

БРАК БЫЛ СДЕЛКОЙ.
НО СЕРДЦЕ НЕ ПОДПИСЫВАЛО КОНТРАКТ.

ГОД ИМЕНЕМ DE МОНТРЕВЕЛЬ

ЕКАТЕРИНА ВЕРДЕН

Екатерина Верден
Под именем де Монтревель

«Автор»

2026

Верден Е.

Под именем де Монтревель / Е. Верден — «Автор», 2026

Он — граф, миллионер и мужчина, рядом с которым женщины теряют голову. Она — студентка и начинающая журналистка, которая не доверяет ему с первой минуты. Слишком холодный. Слишком опасный. Слишком тесно связанный с тайной смерти её отца. Брак по расчёту должен был стать сделкой. Но под именем де Монтревель скрывается мир, где за роскошью стоят старые раны, чужие интриги и слишком высокая цена за правду. Она хотела узнать правду о прошлом. Но не ожидала, что самой опасной тайной станет человек, которого ей нельзя любить. Все персонажи романа, включая государственных деятелей, представителей бизнеса и духовенства, являются вымышленными. Любое сходство с реальными лицами случайно.

© Верден Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог.	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Екатерина Верден

Под именем де Монтревель

Пролог.

Париж. Апрель 2018 года За десять минут до регистрации брака

До регистрации оставалось десять минут.

Клэр Деверо стояла у окна в маленькой комнате мэрии и смотрела на улицу. За стеклом шёл мелкий дождь. Люди торопились под зонтами, машины медленно ползли по мокрой дороге, а в коридоре за дверью уже ждали те, кто должен был увидеть её свадьбу.

Свадьбу.

Само слово казалось чужим.

Через десять минут она должна была стать женой Адриена де Монтревеля. Человека, которого ещё недавно знала только по деловым статьям и осторожным слухам. Закрытый. Богатый. Влиятельный. Слишком спокойный для человека, который за несколько дней успел перевернуть её жизнь.

Всё началось с интервью.

Потом — папка с документами об отце.

И предложение, от которого нельзя было отказаться.

Клэр посмотрела на свои руки. Пальцы были холодными. Кольца ещё не было, но ей уже казалось, что оно давит на палец.

Дверь открылась.

Она не сразу обернулась. По шагам поняла, кто вошёл.

— Вы можете отказаться, — сказал Адриен.

Клэр повернулась.

Он стоял у двери в тёмном костюме. Спокойный, собранный, безупречный. Только тонкий шрам у виска мешал воспринимать его как обычного человека с обложки делового журнала.

— Правда? — спросила она. — И что будет, если я сейчас выйду отсюда?

— Вы потеряете право на наследство отца. Я потеряю проект. А человек, который ждёт нашей ошибки, получит всё.

— Вы всегда говорите о браке как о сделке?

— В нашем случае это и есть сделка.

Клэр усмехнулась.

— Очень трогательно.

— Я не обещал вам романтики.

На несколько секунд они оба замолчали.

За дверью кто-то прошёл по коридору. Раздался короткий женский смех, потом снова стало тихо. Там, снаружи, всё выглядело обычным: мэрия, гости, подписи, цветы.

Здесь всё было иначе.

— Тогда давайте ещё раз уточним, — сказала Клэр. — Этот брак не даёт вам никаких прав на мою жизнь. У нас будут отдельные комнаты. Отдельная жизнь. И вы не будете мной командовать.

— Не буду.

— Вы слишком быстро ответили.

— Потому что это простое условие.

— Для вас не бывает простых условий.

Адриен посмотрел на неё внимательнее.

— Тогда скажу точнее. Я привык контролировать ситуацию. Но не вас.

— Посмотрим.

— Да. Посмотрим.

Клэр отвернулась к окну.

Она могла уйти. Прямо сейчас. Открыть дверь, пройти по коридору, выйти на улицу под дождь и оставить его одного разбираться со своим проектом, врагами и расчётами.

Но тогда оставалось другое. Отец. Его загадочная смерть.

Документы, которые он не успел передать ей при жизни.

Наследство, о котором она почти ничего не знала, но которое кто-то очень хотел забрать.

— Я делаю это не ради вас, — сказала она.

— Знаю.

— И не потому, что вам доверяю.

— Это было бы странно.

Клэр снова посмотрела на него.

— Я вообще не уверена, что вы не использовали смерть моего отца, чтобы заманить меня сюда.

Адриен не ответил сразу.

До этого он держался почти ровно, спокойно. Но теперь в его лице что-то изменилось. Совсем немного. Клэр успела это заметить.

— Вы имеете право так думать, — сказал он.

Ответ сбил её с толку.

Она ждала возражений. Давления. Может быть, холодной насмешки. Но не этого.

В дверь постучали.

— Месье де Монтревель? Мадемуазель Деверо? Вас ждут.

Адриен протянул ей руку.

Клэр посмотрела на его ладонь.

— Это ошибка, — сказала она тихо.

— Возможно.

— Тогда почему вы так спокойны?

— Потому что это единственный ход, который у нас остался.

Эта фраза прозвучала хуже, чем любое признание.

Клэр медленно вложила руку в его ладонь. Его пальцы сомкнулись крепко, но не больно.

Через несколько минут она станет его женой.

Формально. Временно. Без любви. Без доверия.

Так они договорились.

Но, выходя с ним в коридор, Клэр подумала, что самая опасная часть этой сделки может быть вовсе не в документах.

Глава 1

Париж, март 2018 года

Дождь в Париже бывает разным. Этот не хлестал по карнизам и не заливал витрины, а висел в воздухе мелкой, холодной взвесью, просачиваясь сквозь одежду и оседая на коже липкой дрожью. В кабинете редакции Le Clairon, крохотного интернет-издания, вечно пропахшего кофе и дешевой типографской бумагой, этот дождь напоминал о себе лишь струйкой воды на подоконнике, которую никто не спешил вытирать.

Клэр Деверо сидела, вжавшись в старенькое офисное кресло, и смотрела, как мигает курсор в конце последнего абзаца. Статья о городской свалке в пригороде была готова. Еще одна. Очередной кирпичик в стене материалов, которые верстальщик положит в раздел «Новости районов», где их никто никогда не найдет.

Ей было двадцать, она училась на втором курсе журфака Сорбонны и подрабатывала здесь, чтобы хоть как-то помогать своей семье в оплате съёмной квартиры.

Сегодняшний вечер был пропитан чувством раздражения особенно остро. Её раздражало всё: дребезжание принтера, доставшееся по наследству от 90-х, визгливый смех Лизы из отдела рекламы, даже мерцание монитора, казалось, было злонамеренным. Клэр откинулась на спинку стула, сжала пальцами переносицу и глубоко вздохнула, пытаясь унять подступающую мигрень.

— Деверо, — голос главного редактора Бернара Лемуана всегда звучал так, будто он только что разгадал чью-то глупую шутку и теперь явился вынести вердикт. — Зайди.

Лемуан не спрашивал. Он констатировал факты.

Клэр поднялась, одернула свитер. Кабинет шефа находился этажом ниже — царство полумрака, пыльных стопок газет и картонных папок, перевязанных бечевкой. Ей всегда казалось, что в этой комнате пахнет чужими тайнами и упущенными сенсациями.

— Присаживайся, — буркнул Лемуан, не поднимая головы от бумаг. Он еще с минуту шелестел страницами, давая ей прочувствовать свое положение. Клэр терпеливо ждала, разглядывая жирное пятно на его галстук. Наконец, он отложил папку в сторону и водрузил на нос очки для чтения, поверх которых и уставился на неё.

— Так... Ты ведь хотела стать автором популярных статей? Или я что-то путаю?

Клэр насторожилась. В его тоне не было и намек на сарказм, что было еще более подозрительно.

— Хотела. И хочу, — осторожно ответила она.

— Ну вот и славно, — Лемуан откинулся на скрипучем кресле и позволил себе тень улыбки. — Считай, что твоё желание начало сбываться.

Он выдержал паузу, наслаждаясь её замешательством. Клэр молчала, лихорадочно перебирая в голове возможные подвохи. Ранее шеф не баловал её таким вниманием.

— Тебе знакома фамилия де Монтревель? Адриен де Монтревель?

Фамилия была знакома. Она мелькала в экономических хрониках, в светских колонках и в криминальных сводках на грани фола. Строительство, ветряные электростанции. Типичный портрет современного охотника за деньгами.

— Один из богатейших людей Франции? — уточнила Клэр, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Миллионер, насколько я помню.

— Именно, — Лемуан подался вперед, опираясь локтями на стол. — И этот самый месть де Монтревель хочет дать интервью. Легкое, имиджевое. Без грязи, без скандалов. И, что самое интересное, платит он за него баснословные деньги.

Клэр ждала продолжения. Такие заказы обычно доставались маститым авторам-мужчинам из солидных изданий.

— Встреча, по его условиям, состоится в Марселе. На его яхте, — Лемуан говорил это так, будто речь шла о поездке в метро.

— На яхте, — эхом отозвалась Клэр. — В купальнике, значит, интервью брать?

Редактор хмыкнул, но его глаза остались холодными и цепкими.

— Клэр, этот человек заплатит нам столько, сколько мы не зарабатываем за полгода. И если он попросит журналиста станцевать канкан на палубе, я отправлю к нему танцора. Но он попросил журналиста. И выбрал я, в конечном счете, тебя, потому что... — он помедлил, словно взвешивая слова, затем выдвинул ящик стола и достал тонкую, почти пустую папку. Положил её перед Клэр. — Потому что ему нужна молодая, смышленная девочка, которая не станет лезть в дебри. И ещё... Кажется, он знал твоего отца. Здесь кое-какие старые вырезки по проектам, где мелькала фамилия Деверо.

Комната будто качнулась. Звуки — шум дождя, гул вентиляции — отделились, сменившись гулом крови в ушах. Клэр смотрела на папку и видела перед собой не бумагу, а тот самый день три года назад, когда мать, не плача, сообщила им с братом, что отец погиб на стройке. Несчастный случай. Официальная версия, в которую не верил никто из близких. Слишком много вопросов, слишком поспешные похороны, слишком странные люди, приходившие к ним домой с соболезнованиями, от которых пахло не горем, а опасностью.

— Это шутка? — голос сел. Клэр прокашлялась. — Вы это серьезно?

— Я никогда не шучу деньгами, — Лемуан пожал плечами, отводя взгляд. Он уже сделал своё дело. — Я не лезу в твои семейные дела, Деверо. Мне нужен гонорар. А хочешь ты узнать, что связывало твоего отца с де Монтревелем, или нет — решать тебе. Но папку я бы на твоём месте полистал. Хотя бы ради интереса.

Клэр медленно, ватными пальцами, взяла папку. Подняла на Лемуана глаза. В них плескалась буря благодарности, страха и жгучего, почти болезненного любопытства.

— Спасибо, — выдохнула она.

Лемуан уже снова уткнулся в свои бумаги, всем видом показывая, что аудиенция окончена и эмоции его не касаются.

Клэр вышла из кабинета, прижимая папку к груди, как спасательный круг. За окном дождь почти стих, превратившись в морось, но Клэр этого не заметила. Она смотрела прямо перед собой невидящим взглядом. Через два дня она будет на яхте у человека, который, возможно, держит в руках ключ к главной тайне её жизни. Ради этого ключа она была готова не только наступить на горло своим принципам, но и научиться танцевать канкан.

Поезд прибыл на вокзал Марсель-Сен-Шарль по расписанию, выплюнув Клэр на перрон под ослепительное, непривычно теплое для марта солнце. Воздух здесь был густой и сладкий — смесь соли, водорослей, выхлопных газов и доносившегося с набережной запаха жареной рыбы. Пальмы вдоль широких бульваров казались бутафорскими, слишком расслабленными для её взвинченного состояния.

В своем строгом светлом пиджаке, джинсах и с тяжелой сумкой через плечо она чувствовала себя муравьем, попавшим в коробку с дорогими безделушками. Яхты у причала, которые было видно уже с вокзала, сияли белизной корпусов и зеркальными стеклами, отражая беззаботную, чужую жизнь.

— Мадемуазель Деверо?

Голос раздался так неожиданно, что Клэр вздрогнула, хотя внутренне готовилась к встрече. Обернувшись, она увидела мужчину лет тридцати. Коренастый, с мягкой, чуть ленивой улыбкой на загорелом лице. Простая льняная рубашка, дорогие часы на загорелом запястье, спокойный, изучающий взгляд.

— Лоран Морель, — представился он, чуть склонив голову. — Друг Адриена. Он просил встретить вас и проводить.

— Очень любезно с вашей стороны, — ответила Клэр строже, чем следовало. — А где же сам виновник торжества?

— На яхте. Решает последние вопросы с офисом. Вы не против пройти к машине? — он указал на припаркованный неподалеку красный «Опель». Тон его был безупречен, но Клэр уловила в нем стальные нотки, не предполагающие отказа.

Через десять минут они подъехали к частному причалу. Когда она ступила на деревянный настил, сердце заколотилось где-то в горле. Шаги гулко отдавались в тишине, нарушаемой лишь звоном такелажа о мачты.

— Адриен говорил, что вы журналист? — как бы между прочим спросил Лоран, искоса поглядывая на неё.

— Да, — коротко бросила Клэр, глядя прямо перед собой.

— Любопытно, — в его голосе послышалась усмешка. — Обычно к нему присылают либо матерых волков в дорогих костюмах, либо дам с манерами бульдозера. Вы... иная.

— Думаю, мы оба скоро узнаем, оценит ли месье де Монтревель эту «инаковость», — парировала Клэр, не оборачиваясь.

Лоран тихо рассмеялся и, сделав приглашающий жест, указал на сияющую белизной яхту, возвышающуюся у пирса, как айсберг.

— Прошу.

Клэр ступила на трап. Под ногами качнулось, и паника на секунду захлестнула её с головой. Она замерла, вцепившись в поручень. «Сбежать, пока не поздно», — пульсировало в висках. Но любопытство — тяжелое, темное, замешанное на горечи утраты — толкало в спину сильнее любого Лорана.

Она сделала шаг, другой — и оказалась на палубе.

Внутри яхты было прохладно и тихо. Пахло дорогим деревом, кожей и морем. В кают-компании, залитой светом из панорамных окон, у стойки с напитками стоял мужчина. Он не обернулся на звук шагов, продолжая смотреть куда-то вдаль, на линию горизонта.

Клэр замерла на пороге. Внезапно ей показалось, что она здесь лишняя, что она вторглась в чужое, очень личное пространство. Она кашлянула.

Мужчина медленно повернулся. С той ленцой, которая бывает только у людей, привыкших, что мир подождет.

Адриен де Монтревель был высок, широкоплеч и поджар, как человек, для которого спортзал — такая же необходимость, как душ. Безупречно выглаженная светлая рубашка с закатанными рукавами открывала крепкие предплечья. Но не это заставило Клэр внутренне сжаться. Её взгляд сразу же, помимо воли, прикипел к его лицу. Тонкая неровная линия шрама рассекала левую бровь и уходила глубоко в висок, придавая безупречным чертам опасную, почти хищную асимметрию. А глаза — черные, глубокие, с прищуром человека, который видит вас насквозь и заранее знает все ваши мысли.

Он смотрел на неё дольше, чем позволяли приличия. Изучал. Оценивал. Клэр почувствовала себя букашкой под микроскопом.

— Мадемуазель Деверо, — наконец произнес он. Голос низкий, чуть хриловатый, без тени приветствия. Просто констатация факта.

— Месье де Монтревель, — Клэр выдержала его взгляд, хотя внутри всё дрожало.

— Не ожидал, что редакция отправит... вас, — в его голосе прозвучала лёгкая насмешка.

— А кого вы ожидали? — её брови чуть приподнялись. — Кого-то более... привычного?

— Возможно, — уголки его губ дрогнули в легкой ухмылке и Клэр заметила - его улыбка — вернее, сама линия рта в покое — была едва уловимо неправильной, словно старая травма оставила след не только на коже, но и в мимике.

Он сделал широкий приглашающий жест в сторону дивана. Сам остался стоять, опираясь бедром о стойку. Властный, расслабленный и смертельно опасный.

— Вы совсем не похожи на журналистов, с которыми я привык иметь дело, — сказал он, не сводя с неё глаз.

Клэр не ответила. Она опустилась на край дивана, положив сумку рядом. В его взгляде мелькнуло что-то, что она не смогла идентифицировать — интерес? Предупреждение? Она вдруг с ужасающей ясностью поняла, что попала в ловушку. Красивую, дорогую, хорошо продуманную ловушку, имя которой — тайна её собственного прошлого. И этот человек, с лицом античного героя, отмеченным печатью насилия, был здесь главным охотником.

Глава 2

Клэр устроилась за небольшим столиком в просторной каюте. Перед ней — блокнот, диктофон, чашка кофе, которую хозяин яхты поставил перед ней без лишних слов, словно делая одолжение. Он сел напротив, небрежно откинувшись на спинку кресла. В такой позе он, казалось, заполнил собой всё пространство — не только каюту, но и сам воздух между ними. Клэр сразу стало тяжело дышать.

Когда он подходил к столу, она вновь обратила внимание на шрам на его виске. Собеседник вёл себя так, словно этот изъян был предметом гордости. Клэр его поведение показалось вызывающим, но она промолчала, понимая, что находится не в том положении, чтобы делать этому человеку замечания.

Когда Адриен де Монтревель сел напротив, её взгляд снова упал на его рот — на неровную линию улыбки. Этот изъян в придачу к шраму придавал лицу мужественность и в то же время опасную резкость. Другие, наверное, сочли бы это особой мужской привлекательностью, но для Клэр в нём было что-то отталкивающее. Не физически — нет, он не был уродлив, напротив, выглядел именно так, как представляют себе «успешных мужчин» в глянце. Но сочетание этого лица с холодным, цепким взглядом вызывало у неё ощущение, что рядом с ней хищник.

Она избегала смотреть прямо на него. Каждый раз, когда взгляд невольно скользил в его сторону, её словно обжигало: в этих глазах не было тепла, только уверенность и привычка оценивать людей, как фигуры в своей игре.

Он, похоже, уловил её настроение. Когда их взгляды всё же встретились, он чуть прищурился, и уголки губ дрогнули в почти невидимой, самодовольной улыбке — как у человека, уловившего чужую слабость.

— Вы давно работаете в журналистике? — спросил он. В его голосе было не любопытство, а ленивое испытание.

— Достаточно, чтобы знать: лёгких тем не бывает, — ответила она, глядя в блокнот, а не на него.

— Даже интервью с владельцем энергетической компании? — он чуть подался вперёд, и она почувствовала его взгляд, словно он физически коснулся её лица.

— Особенно если этот владелец известен своей... непредсказуемостью, — произнесла она, не поднимая глаз.

Он усмехнулся, явно довольный её сдержанностью. Пальцы лениво постукивали по подлокотнику, издавая раздражающий ритм.

— Мне говорили, что вы ещё учитесь. Второй курс?

— Верно.

— Значит, у вас хватило амбиций отправиться к совершенно незнакомому мужчине, на его яхту, в открытое море? — каждое слово прозвучало как вызов.

— Я приехала работать, — отрезала Клэр, — а не играть в психологические игры.

— Хм, — он слегка наклонил голову. — Не уверен, что одно без другого возможно.

Молчание было тяжёлым. Она чувствовала, что он не просто изучает её — он ищет трещину в её защите. И это вызывало в ней неприятное, почти физическое ощущение, словно её держали под прицелом.

Лоран, всё это время находившийся на палубе, заглянул внутрь:

— Курс проложен. Можете работать, я не буду мешать.

Адриен де Монтревель кивнул, но глаз от неё не отвёл.

— Итак, мадемуазель Деверо... — он чуть подался вперёд. — С чего мы начнём? С ваших вопросов... или с моих?

Она отложила ручку, но не спешила отвечать. Несколько секунд просто смотрела на него — ровно настолько, чтобы это было вежливо, и ни мгновением дольше.

— Обычно интервью всё же начинают с вопросов, — произнесла она спокойно. — Но, похоже, у вас своя методика.

— У меня всегда своя методика, — сказал он, и в этой фразе было то самое самодовольное превосходство, которое её раздражало больше всего. — И мне интересно, насколько вы готовы ей подыграть.

Она чуть наклонила голову, как бы обдумывая сказанное.

— Думаю, для начала, месье де Монтревель, мы выясним, кто из нас лучше умеет не отвечать прямо.

Он тихо рассмеялся, и этот смех был не тёплым, а холодным, с металлическим отзвуком. У неё не осталось сомнений: этот человек ей неприятен. И всё же уйти от этой партии она не могла.

Ветер усилился, яхта слегка покачивалась. Клэр машинально положила ладонь на край стола, удерживая блокнот, чтобы страницы не переворачивались сами собой. Адриен де Монтревель сидел напротив в ленивой позе, вытянув левую ногу вперёд и словно скучая, вертел в пальцах серебряную зажигалку, время от времени щёлкая крышкой.

— Итак, мадемуазель Деверо, — произнёс он, в очередной раз щёлкнув зажигалкой. — Начнём?

— Начнём, — она перевела взгляд на блокнот. — С биографии, полагаю. Но, подозреваю, ваш «короткий рассказ о себе» рискует затянуться.

— Или оказаться до неприличия банальным, — уголки его губ едва заметно дрогнули. — Родился, выжил, заработал. Ни строчки для книжной полки.

Она подняла глаза — ровно настолько, чтобы это считалось вежливым.

— Тогда уточним детали. Ваша фамилия. В наше время приставка «де» — редкость. Чаще отсылки к хроникам, чем к паспортам.

Он чуть наклонил голову, прищурился — реакция человека, привыкшего, что тон собеседника не меняют из-за одной фамилии.

— Род старый. Бордо, историческая Гиень, старая Аквитания. Де Монтревель — из старого дворянства юго-запада, с землями к югу от Бордо, в Граве. Позже семья разбогатела на вине и удачных браках. По женской линии у моего рода была связь с де Понтак, а в более глубокой родословной любили вспоминать и де Альбре. Шато, виноградники, старое имя — всё как полагается.

Ручка в её руке замерла на долю секунды.

— Слишком красиво, чтобы быть правдой.

— Вы из тех, кто не любит легенд? — спросил Монтревель.

— Я из тех, кто проверяет источники, — спокойно парировала она. — Особенно когда речь идёт о мужчинах с яхтами и титулами.

Он откинулся на спинку кресла, ещё сильнее вытянул вперёд левую ногу — движение, в котором странным образом сочетались небрежность и вызов.

— Тогда отмечайте: по прямой линии я — потомок по матери. Отец... — он на короткий миг поджал губы, подбирая слово. — О нём почти ничего не осталось. Документы, фотографии — исчезли после его смерти. Семейные архивы пусты.

Клэр записала в блокнот его слова и почему-то подчеркнула: «Пусто».

Внутри у неё кольнуло — не сочувствие, нет, — интерес. Там, где люди оставляют «пусто», обычно прячут самое важное.

Он заметил, как она подчеркнула слово, и едва заметно усмехнулся.

— Удовлетворены, мадемуазель? Или продолжим раскопки?

— Продолжим, — ответила она сухо. — Ваша энергетическая компания носит название «Océanis Énergie» и входит в корпорацию «Développement Montrevél». Для прессы вы — спаситель планеты. Для конкурентов — человек, который выигрывает там, где другим не дают. Как вы это называете внутри компании — стратегией или удачей?

— Дисциплиной, — ответил он без паузы. — И отсутствием иллюзий.

— Например, иллюзий насчёт прессы? — она не подняла взгляда, но ощутила, как его внимание стало плотнее, почти осязаемое.

— Например, — согласился он. — Или насчёт людей, которые приходят «просто взять интервью».

Стук палубных шагов разрезал тишину. В проёме показался Лоран.

— До мыса десять минут. Красиво, как на открытках.

— Спасибо, — ответил де Монтревель, даже не повернувшись. Лоран исчез так же бесшумно.

Клэр перелистнула страницу.

— Вернёмся к «отсутствию иллюзий». Оно у вас врождённое или приобретённое?

— Приобретённое, — с усмешкой ответил он. — Оно приходит вместе со знанием цены словам «всегда» и «никогда».

— И со шрамами, — сказала она прежде, чем успела себя остановить.

Он не шевельнулся. Только взгляд стал на полтона тяжелее.

— Со шрамами — в первую очередь.

Она отвернулась к иллюминатору. Море блестело, как свинец, солнце резало воду острыми бликами. Вернулась к записям: «*по матери — да; отца нет в бумагах*». Подчеркнула второй раз. Пустота — самая громкая улика.

— Вы сегодня слишком много отмечаете, — вполголоса сказал Монтревель. — Я подам аперитив — так иногда проще смотреть друг на друга.

— Мне достаточно воды, — отрезала она. — И фактов.

— Факты — вещь коварная, они всегда приходят не вовремя, — он улыбнулся.

Неровная линия улыбки снова бросилась ей в глаза. Ей показалось, что он гордится своим изъясном. А может, это и не изъясн вовсе? Ей вдруг захотелось уколоть его этим вопросом, но она понимала, что этот человек очень неглуп, и, чтобы не попасть в глупое положение, промолчала.

— Я привыкла ждать, — ответила она и впервые позволила себе встретить его взгляд без бегства. — И проверять.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга, и качка вдруг стала ощутимее — или ей показалось. Он кивнул, как человек, принявший условия игры.

— Тогда продолжим после мыса, — произнёс он, глядя в иллюминатор. — У меня будет для вас пара «неофициальных» ответов.

— А у меня — пара «неудобных» вопросов, — сказала она и закрыла блокнот.

Он улыбнулся — холодно, как металл.

— Посмотрим, кто из нас лучше умеет не отвечать напрямую.

Он вышел на палубу. В каюте стало заметно просторнее, но воздух не стал легче. Клэр провела ногтем по толстому корешку блокнота и ещё раз посмотрела на строку: *Отец — пусто*.

В её опыте «пусто» никогда не означало «ничего».

Мотор ровно подтянул обороты. Где-то впереди был мыс и следующий раунд.

Глава 3

Солнце клонилось к закату, окрашивая Средиземное море в густые тона старого золота, когда Клэр наконец закрыла блокнот. Час вопросов и ответов пролетел незаметно, хотя по ощущениям это была изнурительная игра в кошки-мышки. Адриен де Монтревель отвечал на всё — но с таким изяществом, что каждое его слово можно было трактовать, как угодно, лишь бы не как правду.

— Думаю, для «имиджевого портрета» достаточно, — сказала она, убирая ручку в сумку. — Но у меня остался последний вопрос.

— Только один? — В его голосе мелькнула насмешка, едва прикрытая светской учтивостью.

— На сегодня. — Она набралась смелости и посмотрела ему прямо в глаза, не позволяя себе отвести взгляд.

— Почему вы вообще согласились на интервью? Миллионеры обычно не ищут лишнего внимания.

Он откинулся на спинку кресла, лениво крутя в пальцах тонкий бокал с вином. Солнечный блик скользнул по его лицу, на миг осветив тонкий шрам от брови к виску.

— Иногда полезно, чтобы кто-то задал правильные вопросы. Даже если ты сам не знаешь, хочешь ли слышать ответы.

— Красиво сказано. — Клэр позволила себе легкую, едва заметную улыбку. — Но это не ответ.

Он задержал на ней взгляд дольше, чем того требовали приличия, и в тишине веранды, где они сидели, вдруг повисло напряжение.

— Возможно, я ждал вас, мадемуазель Деверо, — произнёс он спокойно, и в этой фразе не было ни тени кокетства. Только странная, пугающая серьезность. — Ваш отец был человеком слова. И чести.

Клэр вздрогнула. В горле мгновенно образовался ком, перехвативший дыхание. Несколько секунд она боролась с собой, не в силах выдавить ни звука, но всё же заставила себя произнести:

— Вы его знали?

— Не так, как хотелось бы. — Его взгляд ушел куда-то за её плечо, в бескрайнюю морскую даль. — Но достаточно, чтобы понять: его смерть не была случайностью.

Внутри у неё похолодело. Ладони, лежавшие на блокноте, стали ледяными.

— Вы это утверждаете или предполагаете?

— Я утверждаю, что в его деле есть те же тени, что и в моём прошлом. — Он поставил бокал на стол и подался вперёд, сокращая расстояние между ними. — Если будете копать — не исключено, что наши истории окажутся переплетены.

Она почувствовала, как сердце забилось быстрее, отдаваясь пульсом в висках.

— Это угроза или предупреждение?

— Выбор за вами.

Молчание стало плотным, почти осязаемым. Где-то внизу, у причала, лениво плескалась вода, но здесь, на веранде, время словно замерло.

Наконец Адриен поднялся, взял с соседнего стола плотную картонную папку и положил её перед ней.

— Здесь то, что я смог найти о вашем отце. Не всё — но начало.

Клэр не притронулась к папке. Лишь медленно подняла взгляд, в котором читался вызов.

— Почему вы решили передать это мне? — спросила она тихо, но твердо. — Мы знакомы всего несколько часов.

Он чуть пожал плечами — жест, который у него выглядел одновременно небрежным и отточенным.

— Возможно, потому что иногда чужие люди оказываются полезнее старых друзей.

— Или потому, что вы что-то хотите взамен?

На его губах появилась та самая едва заметная усмешка, от которой ей хотелось одновременно отвернуться и продолжать смотреть.

— Взамен? — Он медленно опустил обратно в кресло, изучая её с ленивым интересом хищника, которому некуда спешить. — Скажем так... я предпочитаю оставаться интересным собеседником. А интерес — всегда обоюден, мадемуазель Деверо.

Она почувствовала, как он уходит от прямого ответа, ловко, как фокусник, пряча карты в рукав. Вытащить из него правду будет куда сложнее, чем она предполагала.

— Я провожу вас до причала, — сказал он ровно, словно между ними не произошло ничего важного. — Было приятно познакомиться, мадемуазель Деверо.

Через полчаса она уже сидела в такси, прижимая папку к груди. Марсель, утопающий в тёплых огнях набережных, остался за стеклом, а в голове всё звучали его слова: *«Наши истории могут оказаться переплетены»*.

И впервые с того момента, как шеф-редактор Лемуан дал ей это задание, Клэр поняла, что теперь отказаться от этой игры она уже не сможет.

Париж встретил её промозглым, колючим ветром и тяжелым небом, затянутым серой пеленой. Такси мягко покачивалось на бульжной мостовой предместий, а она смотрела в мутное окно и, сама того не замечая, сжимала пальцами ремень сумки так, что побелели костяшки.

— Ну и что это было? — мысленно спросила она себя. — Холодный, самодовольный, привыкший держать всех на расстоянии. Его шрам, эта странная манера смотреть прямо в глаза, будто видит тебя насквозь. А ещё эта... улыбка. Нет, он не урод, но что-то в нём есть такое, от чего хочется отвернуться. И ведь даже не скрывает своего превосходства — в каждом слове, в каждом жесте. Я была для него просто очередным эпизодом, забавной деталью в его дне.

Она вспомнила, как он положил перед ней папку. Ни слова о том, зачем. Никакого намёка на истинные мотивы.

— Почему он решил отдать это мне? Ради чего? — этот вопрос свербел в голове, не давая покоя. Ответа не было, а его уклончивое: *«Пусть это будет моим маленьким секретом»* только усилило раздражение.

И ещё — фамилия. *Де Монтревель*. Он произнёс её так, будто каждый звук должен был вызвать восхищение. А когда она спросила про титул, ответил слишком легко, словно репетировал эту легенду сотни раз. Слишком гладко для правды.

Она знала одно: этот человек ей неприятен. Опасен — да, интересен — возможно, но доверия к нему не было ни на грамм. И всё же... в глубине души она понимала, что эта история только начинается.

Такси остановилось у старого дома на улице де ла Гласьер. Клэр вышла и поднялась на четвёртый этаж. Лифт, как всегда, застрял где-то между первым и вторым, поэтому пришлось идти пешком. В подъезде пахло выпечкой и ещё чем-то смутно знакомым, тёплым, домашним — запахом детства, от которого вдруг защемило сердце.

За дверью квартиры её встретил взволнованный голос матери:

— Клэр, ты уже вернулась?

Франсуаза Деверо вышла из кухни, вытирая руки о полотенце. Она была женщиной невысокого роста, с мягкими чертами лица, на которых усталость давно соседствовала с добротой. Когда-то её каштановые волосы были густыми и блестящими, теперь же в них проступала серебристая нить, а у глаз и на висках залегли глубокие линии забот. Но взгляд — тёплый, чуть

настороженный — по-прежнему внимательно вглядывался в дочь, будто пытаюсь прочитать то, что та скрывает.

Следом за матерью в прихожей появился младший брат. Пятнадцатилетний Поль — вечно растрёпанный, с острыми коленками и вечным запахом спортивного зала, въевшимся в одежду. Его худощавое лицо светилось любопытством, а в руках он держал полуразобранную модель гоночной машины.

— Как поездка? — первой заговорила мать. В её голосе не было лёгкости, только осторожный интерес человека, который готов услышать плохие новости, но из последних сил надеется на лучшее.

— Долгая, — уклончиво ответила Клэр, снимая пальто.

— И всё? — Мать прищурилась, перехватывая сумку дочери. — Ты уехала в другой конец страны, вернулась через два дня и говоришь «долгая»?

— Мам, ну дай ей отдышаться, — вмешался Поль, откладывая модель. — Может, она там шпионила за мафией и теперь не может рассказать, чтобы нас не подставить!

Клэр усмехнулась краешком губ.

— Почти, Поль. Только мафия оказалась в дорогом костюме и с яхтой.

— Вот! — брат многозначительно поднял палец. — Я так и знал. Я всегда говорил: если человек владеет яхтой, от него добра не жди.

Мать нахмурилась, не разделяя его веселья.

— Клэр, ты хоть понимаешь, в какие истории можно вляпаться? Ты едешь к какому-то богачу, один на один, в чужом городе...

— Мам, всё было под контролем, — отрезала Клэр, хотя в душе понимала, что звучит это слишком резко. Она смягчилась, коснулась плеча матери: — Я просто брала интервью. Всё.

— Ага, брала интервью, — Поль театрально подмигнул. — А глаза у тебя такие, будто ты встретила того самого «мистера Опасного».

Клэр сделала вид, что не услышала. Мадам Деверо уловила настроение дочери и, поняв, что та не готова говорить о поездке, решила сменить тему:

— Ты, наверное, очень голодна. Садись ужинать, я испекла яблочный пирог. Твой любимый, с корицей.

— Спасибо, мам. Я не голодна. — Клэр уже взялась за ручку своей комнаты. — Пойду к себе. Спокойной ночи.

Она прошла в комнату, но голоса родных ещё долго звучали в коридоре. Мать что-то тихо сказала брату, тот хмыкнул в ответ, и дверь её спальни мягко прикрылась, отрезая их от неё.

Оставшись одна, Клэр наконец достала папку. Плотный картон, аккуратный почерк на наклейке: «Проект “Бордо-Энерджи”».

Внутри оказались ксерокопии старых контрактов, схемы, фотографии строительных объектов, несколько писем. Бумаги пахли сыростью и чем-то архивным, застарелым — их явно хранили долгие годы, прежде чем она взяла их в руки.

Её взгляд сразу упал на одну из фотографий — общий снимок: люди в касках и рабочих жилетах стоят на фоне недостроенного здания. В центре — её отец, Пьер Деверо. Он улыбался, чуть прищурившись от солнца, и выглядел таким живым, что у Клэр сжалось сердце.

Рядом с ним стояли несколько мужчин. Один из них привлек её внимание. Высокий, худощавый, с уверенной осанкой и молодым, ещё не тронутым цинизмом лицом... Оно показалось ей смутно знакомым, но она не могла сразу вспомнить, где видела его раньше.

Клэр наклонилась ближе, провела пальцем по чуть размытым контурам. И вдруг заметила — тонкая линия, идущая от брови к виску. Та самая.

Её сердце пропустило удар.

На снимке был Адриен де Монтревель. Только гораздо моложе, без той холодной насмешки в глазах, но уже с той же самоуверенной постановкой плеч, которую она так невзлю-

била при встрече. Он стоял рядом с её отцом, почти вплотную — так, как стоят люди, которых связывает больше, чем простое знакомство.

Она перевернула фото. На обороте аккуратными чернилами было выведено: *Марсель, 2014 год.*

Четыре года назад.

Дальше пошли отчёты о проверках, аккуратно пронумерованные и датированные. Несколько вырезок из газет с краткими заметками о несчастных случаях на стройках — словно кто-то систематически вырезал их из рубрики «происшествия», складывая в одну папку. Между ними — тонкое дело с пометкой «Инцидент 14/09/2015».

Клэр раскрыла его. На первой странице — официальный рапорт. Сухие строчки, набранные канцелярским шрифтом:

«В ходе проведения монтажных работ на строительной площадке в пригороде Бордо произошло обрушение металлических конструкций. В результате несчастного случая погиб прораб объекта Пьер Деверо. По предварительным данным, причиной инцидента стала разгерметизация креплений при подъёме балки краном. Вмешательство третьих лиц не установлено».

Она перечитала абзац ещё раз, цепляясь за каждое слово. Всё выглядело безупречно — слишком безупречно. Ни фамилий свидетелей, ни конкретных деталей, ни даже времени происшествия. Только сухая констатация факта: погиб.

В конце отчёта — стандартная формулировка: *«Дело закрыто. Несчастный случай».*

Клэр почувствовала, как в груди нарастает глухая, тягучая злость. Её отец был опытнейшим прорабом с двадцатилетним стажем. Мысль о том, что он мог допустить грубую ошибку, казалась абсурдной. В этих казённых строчках было слишком много умолчаний. Слишком много тех, кто хотел забыть.

Она сидела, перебирая страницы, и чувствовала, как раздражение смешивается с холодным, липким страхом. *Почему де Монтревель — этот надменный миллионер — решил передать ей эту папку?*

Жест доброй воли? Часть какой-то игры?

А может...

Она посмотрела на фотографию, где они стояли вместе — её отец и этот человек с хищной усмешкой. *Может, он сам причастен к смерти отца?*

Клэр глубоко вздохнула, пытаясь унять дрожь в пальцах. Он явно что-то недоговаривал. И, чёрт возьми, она была полна решимости вернуться за ответами.

Папка осталась лежать на столе. Ночь за окном сгустилась, и в её темноте Клэр почудились те самые тени, о которых говорил де Монтревель. Теперь они протянулись от Марсея до самого Парижа, и обратного пути уже не было.

Глава 4

Чёрный Rolls-Royce Phantom мягко скользил по вечерним улицам Парижа, отражая огни витрин и россыпи фар встречных машин. Внутри царил тишина, нарушаемая лишь мерным гудением двигателя. Адриен де Монтревель сидел на заднем сиденье, в руке — бокал с минеральной водой. Рядом лежал смартфон, но экран давно погас. Мысли уносили его далеко от текущих дел.

Он вспоминал сегодняшнее интервью. И девушку. Ту самую журналистку — Клэр.

Слишком красивую, слишком живую для того мрачного разговора, который она пыталась вести. Золотистые волосы, яркие зелёные глаза, упрямый подбородок. И эта лёгкая, едва уловимая дерзость, с которой она на него смотрела...

Что-то в ней было такое, что отличало её от всех остальных женщин, которых в его жизни встречалось предостаточно. Но ни одна из них не вызывала этого странного, раздражающего притяжения. Клэр не боялась его, не заискивала, как делают большинство девушек, узнав, что перед ними миллионер. Её тянуло спорить, и именно это делало её опасной для него — и в то же время невыносимо интересной.

Автомобиль свернул в сторону Сены. Вскоре показались ворота особняка на набережной Бранли. Он купил его ещё при жизни матери — Анны-Мари де Монтревель, потомка древнего рода, чьи корни уходили в Бордо. Она была женщиной железной воли и до конца держала семейный бизнес, пока Адриен не принял бразды правления. Строительство, энергетика, недвижимость — империя, которую он развивал, как фронтальную операцию: быстро, жёстко и без права на ошибку.

Когда автомобиль остановился, дверь открыл седовласый Жак Савинье — давний управляющий особняком, верный помощник, больше похожий на дворецкого из английских романов, чем на обычного слугу.

— Добрый вечер, мсье, — почтительно склонил голову он.

Адриен кивнул и прошёл в дом.

В просторном холле пахло воском и старым деревом. Сняв пиджак, он поднялся в кабинет. Просторная комната с окнами в сад, стены увешаны портретами предков, массивный стол из тёмного дуба. Он налил себе виски — пил редко, но сегодняшний день выдался тяжёлым — и сел в кресло у окна. Требовалось привести мысли в порядок.

Мысли вновь вернулись к встрече.

Клэр смотрела на него с отвращением. Он видел это. Для неё он был циничным богачом с дурной славой и уродливым лицом. Она не знала, что эти увечья на лице — память о войне, о том времени, когда он служил в Афганистане в составе французского контингента. Тогда, во время одного из боёв, его отделение попало под обстрел. Металл и огонь оставили метку на его лице, а контузия навсегда испортила улыбку. Но он выжил. Выжил, чтобы строить империю.

Он вспомнил, как протянул ей папку. Внутри были старые контракты, документы, фотографии. Она спросила: «Почему вы решили передать мне это?» Он ответил уклончиво, но в душе понимал: это был первый ход.

Он знал гораздо больше о смерти её отца, чем сказал. И знал, что наследие Деверо тесно связано с землёй, без которой его собственный проект может рухнуть. *Она наследница. Хочет она того или нет. А значит, её либо поглотят мои враги, либо я...*

Он сделал глоток и тяжело выдохнул.

Впервые за долгое время его сердце сомневалось. Использовать девушку? Подтолкнуть её к браку, к союзу, который защитит и его проект, и её семью? Она была слишком чистой для этих игр. Но выбора у него не было.

Телефон на столе мигнул — входящий вызов. На экране высветилось имя: Лоран.

— Ну как прошло? — сразу спросил друг.

— Ты был прав: она действительно очень красивая и, судя по всему, невинна, как дитя.

При этом ненавидит меня, — усмехнулся Адриен.

— Это неудивительно, — ответил Лоран. — Ты всегда производишь именно такое впечатление. Но, признаться, она особенная. Ты это тоже заметил?

Адриен промолчал. Слишком хорошо заметил.

— Лоран, она, видимо, не знает о наследстве отца?

Лоран ответил не сразу, словно обдумывая:

— Думаю, не знает. Иначе уже заявила бы права на землю. Скажешь ей?

— Пока не решил. До завтра.

Он отключил звонок.

В дверь постучали. Вошёл Савинье.

— Мсье, вам оставили записку. Молодой человек просил о встрече, сказал — вопрос жизни и смерти. Я записал его имя и номер.

Адриен взял бумажку: Оливье Дарсель и номер телефона. Повертев в руке, вернул управляющему.

— Завтра перед уходом передашь мне, я свяжусь с ним. Сегодня я не хочу ни с кем говорить.

Савинье кивнул и бесшумно закрыл дверь.

Адриен взял со стола недопитый бокал и подошёл к окну. Париж жил своей ночной жизнью, огни отражались в тёмной воде Сены.

Я должен жениться на ней, — прозвучала в голове холодная мысль.

И только потом — второе, тихое признание самому себе:

Но смогу ли я убедить её...

Утро выдалось пасмурным. Париж медленно пробуждался, но Адриен де Монтревель уже сидел за рулём своего Rolls-Royce с тонированными стёклами и мягко скользил по бульварам. Он любил этот короткий промежуток между тишиной рассвета и шумом пробок: именно в это время мысли обострялись, словно дорожные огни выстраивали для него цепь рассуждений.

Он думал не о проектах, не о переговорах и даже не о встречах, которые ждали его в офисе. Мысли вертелись вокруг Клэр Деверо — журналистки и наследницы земель, от которых зависело слишком многое.

А может, я напрасно предаюсь самобичеванию? — подумал он. — Возможно, моё предложение придётся ей по душе. Не каждой девушке выпадает шанс выйти замуж за миллиардера.

Подумав об этом, он поймал себя на том, что очень хочет, чтобы она согласилась не по вынужденной причине, а по собственному желанию. Но понимал: это невозможно.

Красивая, — снова поймал себя на этой мысли Адриен. — Слишком красивая. Я привык к женщинам, которые сами ищут моего внимания. Но эта... она скорее готова отвернуться, чем улыбнуться. И именно поэтому опасна. Она не позволит приблизиться. Не простит слабости.

Он поморщился. Внутри неприятно кольнуло воспоминание: как легко он передал ей ту папку. Слишком легко для человека, который привык просчитывать каждый шаг. Но времени не было. Земельный проект, на котором держалось будущее компании, требовал решительных действий. И Клэр оказалась связана с ним куда теснее, чем могла сама представить.

Développement Montrevel — это название давно стало брендом. Но мало кто помнил, что ещё двадцать лет назад компания была небольшой строительной фирмой, унаследованной его матерью после громкого развода. Тогда отец — по неизвестным до сих пор Адриену причинам — предпочёл оставить семью, а мать, гордая и упорная, не только удержала фамилию, но и превратила фирму в империю.

Адриен сжал руль. Мать... Её голос всё ещё звучал в памяти: «Фамилия де Монтревель — это не только титул, это работа и ответственность. Никогда не позволяй никому думать, что ты существуешь лишь благодаря фамилии».

Он продолжил бизнес после её смерти, усилил, вывел на международный уровень. Компания занималась реставрацией старинных особняков, реконструкцией кварталов, строительством жилых комплексов. За этим именем стояли сотни рабочих, архитекторы, инженеры, инвесторы. И за всем этим — его репутация. Кроме того, он создал собственную энергетическую компанию *Océanis Énergie*, часть акций которой принадлежала государству, а для оптимизации налогов вместе с акционерами основал благотворительный фонд помощи больным детям. Он создал настоящую империю и обязан был достойно ею управлять.

А теперь кто-то слишком настойчиво пытался разрушить всё, что он построил. Конкуренты. Габриэль Дельмас — имя, которое в последние месяцы звучало слишком часто. Человек с приторно-сладкой улыбкой и холодным расчётом в глазах. Он не был откровенным врагом, но Адриен чувствовал: его руками кто-то готовил удар.

Когда автомобиль остановился у стеклянного фасада штаб-квартиры, Адриен вышел и привычным шагом вошёл в здание. В просторном холле сотрудники почтительно кивали ему, но он лишь слегка отвечал взглядом — не любил излишнего почтения. Поднялся в кабинет, где стены украшали старинные карты Бордо и портрет матери в строгом платье.

Совещание длилось больше часа. Архитекторы докладывали о сроках, юристы обсуждали новые тендеры, финансисты осторожно намекали на слухи, распускаемые конкурентами. Адриен слушал, но мысленно был далеко. Перед глазами снова всплывало лицо Клэр, и каждый раз он ловил себя на раздражающем ощущении: слишком чистая, слишком настоящая для того, что он собирался сделать.

Закончив обсуждения, он вышел в приёмную. В этот момент его внимание привлёк резкий мужской голос. У стойки ресепшена спорил молодой человек — высокий, худощавый, с нервной жестикуляцией.

— Поймите, я не могу ждать неделями! У моей сестры нет этого времени! — голос его дрожал, казалось, владелец был на грани отчаяния.

— Месье, — вежливо, но твёрдо отвечала секретарь, — наш фонд помогает только детям. Мы не можем...

— Вы не понимаете! Она ещё ребёнок в душе! Ей всего двадцать лет! Если ей не помогут сейчас, она умрёт!

Адриен остановился. Слова задели. Он знал этот тон — отчаяние, смешанное с гордостью. Слишком знакомо.

— Лиза, — обратился де Монтревель к секретарю. — Что здесь происходит?

Лиза, миниатюрная молодая девушка, недавно получившая должность секретаря генерального директора, обернулась и, растерянно посмотрев на шефа, тихо ответила:

— Этот молодой человек требует встречи с вами. Я пыталась объяснить, что вы заняты и что по его вопросу не сможете помочь...

— Как вас зовут? — спросил Адриен, повернувшись к незнакомцу.

— Оливье Дарсель, — выпалил тот. В его лице смешались усталость и решимость.

Адриен вдруг вспомнил о записке, которую ему передал вчера Савинье. Он сунул её тогда в карман пиджака и, увлечшись мыслями, благополучно забыл. Впервые за несколько месяцев он испытал неловкость — и решил её исправить.

— Месье Дарсель, мне передали, что вы хотели поговорить со мной, — произнёс Адриен, протягивая руку. — Простите, что не перезвонил сразу: навалилась работа.

Оливье пожал протянутую руку; его пальцы были горячими и дрожали. Он поднял на Адриена уставшие глаза, и в них читалась мольба.

— Прошу вас, месье, спасите мою сестру. Вы моя последняя надежда!

Что-то щёлкнуло в груди Адриена. Может быть, воспоминание о собственной беспомощности много лет назад, когда он ещё не мог ничего противопоставить ударам судьбы. Может быть, усталость от циничных игр, в которые он сам себя загнал. Он взглянул на часы — до следующей встречи оставалось больше часа.

— Хорошо, месье Дарсель, — кивнул он. — Поехали. Я сам хочу увидеть вашу сестру.

Глава 5

Клиника на востоке Парижа была из тех, где тишина гуще воздуха. Пахло антисептиком и дешёвым кофе из автомата — запахами, которые Адриен де Монтревель знал слишком хорошо. Оливье Дарсель шёл рядом и молчал, пока администратор оформляла гостевые бейджи. Адриен позвонил заранее — в отделении его уже ждали.

— Она в палате интенсивной гематологии, — ровно сказал заведующий отделением, доктор Шарль Мартен, подтянутый мужчина с внимательными, чуть усталыми глазами. — Апластическая анемия, подтверждённая биопсией. Счёт дней идёт на недели. Нужна иммунная терапия и поиск совместимого донора. При правильной тактике шансы — реальные.

— «Реальные» — это сколько? — сухо спросил Монтревель. Он не любил, когда врачи прятались за обнадёживающими формулировками.

— При удачном подборе донора и дисциплине — хороший прогноз, — доктор Мартен не стал называть проценты. — Но времени мало. Очень мало.

В палате было тихо. На подушке — девичье лицо с большими карими глазами, в которых уже поселилась та особая усталость, бывающая только у людей, слишком долго ждущих чуда. Тонкие руки, сетка катетера под полупрозрачной повязкой.

Оливье наклонился к сестре, взял её за руку и тихо сказал:

— Клара, я привёл человека, как и обещал. Он сможет тебе помочь.

Клара Дарсель едва улыбнулась, когда брат наклонился к её изголовью.

— Месье... вы тот самый? — спросила она, переводя слабый взгляд на Монтревеля.

В её глазах было столько мольбы, что у Адриена на секунду замерло сердце. Он шагнул ближе, нежно взял девушку за руку — осторожно, чтобы не задеть катетер — и тихо сказал:

— Я тот, кто умеет организовывать сложные вещи. И сейчас именно это нужно.

Короткое пятиминутное общение — пара ободряющих фраз, лёгкое обещание, которое он не имел права не сдержать, — и Монтревель с Оливье покинули палату.

В ординаторской доктор Мартен распечатал свежие анализы и почти час подробно объяснял мужчинам состояние пациентки, риски и возможные протоколы лечения. Адриен слушал внимательно, задавал точные вопросы, уже отмечая в голове главные задачи: ускоренное HLA-типирование, расширенный поиск донора через международный регистр, временный «мост» поддерживающей терапией, чтобы продержаться до трансплантации.

Когда врач закончил, Монтревель вышел в коридор и, не мешкая, набрал номер директора своего благотворительного фонда.

— Матье, срочно. Снимаем возрастной порог по всем программам гематологии. Оформляйте индивидуальный протокол под мою личную гарантию — Клара Дарсель, отделение гематологии клиники Святого Иосифа. Всё, что попросит доктор Мартен, — без потолков. Сегодня же.

— Понял, месье, — коротко ответили на том конце.

Затем позвонил исполнительному директору:

— Камилла, подключите юридический департамент и логистику: проживание семьи рядом с клиникой, перевод всех медицинских документов в международные регистры, медэвакуация на случай осложнений. Срок — сегодня.

Оливье слушал всё это и не верил своим ушам. После стольких месяцев бесплодных попыток помочь сестре, после отказов из десятка фондов и казённых писем с соболезными формулировками он наконец нашёл человека, который просто брал и решал. Без бумажек, без очередей, без унижительного «пришлите ещё справку».

Де Монтревель убрал телефон во внутренний карман пиджака и вновь обратился к Дарселю:

— Я возьму лечение вашей сестры под личный контроль. Сегодня начнутся подготовительные процедуры. Завтра — типирование на поиск донора. Вас устраивает?

Оливье кивнул, сглотнул ком в горле и вдруг спросил прямо — так, как спрашивают, когда терять уже нечего и благодарность душит:

— Почему вы это делаете, месье? Столько месяцев — везде отказы. А вы пришли и... включили машину. Просто так не приходят. Я адвокат, я знаю цену «благотворительности».

Адриен посмотрел сквозь стеклянную дверь палаты, туда, где Клара лежала с закрытыми глазами, и ответил не сразу.

— Потому что в некоторых делах слово «потом» означает «никогда». И потому что однажды я уже видел, что бывает, когда помощь опаздывает. Больше — не хочу. И ещё, — он повернулся к Оливье, — деньги — это инструмент. Их смысл — работать быстро и тихо. Если я могу сделать так, чтобы кто-то не умер, а жил, — я это сделаю. Без отчётов и аплодисментов.

Оливье усмехнулся — безрадостно, но с облегчением.

— Быстро и тихо... красиво сказано. Ладно. Раз уж честно — честно до конца. Я адвокат. Парижская коллегия, семь лет стажа. Половина дел — по назначению, половина — трудовые споры и охрана труда. Платят мало, зато опыта — вагон. Стройки, подрядчики, техбезопасность, показания бригадиров, сломанные жизни. Если когда-нибудь понадобится моя помощь — звоните. Без разговоров о гонораре. — Он протянул визитку.

Адриен взял карточку, мельком глянул на тиснённый логотип и убрал во внутренний карман — рядом с телефоном.

— Надеюсь, не понадобится, — ровно ответил он. — Но цену предложение. Контакт сохраню. Берегите Клару.

— Обязательно. Спасибо вам.

Они коротко пожали друг другу руки. В палате Клара повернула голову к двери и на секунду поймала взгляд Адриена. Он едва заметно кивнул — и вышел в коридор. Дело было сделано. Теперь оставалось только ждать.

Клэр сидела у окна в читальном зале Сорбонны. Перед ней на столе лежали блокнот, диктофон и папка с пометкой «Проект „Бордо-Энерджи“», которую ей два дня назад передал де Монтревель. Некоторые страницы уже были исписаны её торопливым почерком: «Montrevel», «SCI», «фильтр», «14/09/2015». Мысль возвращалась настойчиво, как зубная боль: нужно снова встретиться с Монтревелем и вытащить из него правду. Зачем он принёс эту папку? Что на самом деле произошло в 2015-м? И какое отношение ко всему этому имеет её отец?

Зазвонил телефон. Клэр, полностью погружённая в свои мысли, вздрогнула от неожиданности и, даже не взглянув на экран, машинально нажала «ответить».

— Мадемуазель Деверо? — раздался в трубке мягкий, отточенный голос. — Это Лиза, секретарь месье де Монтревеля. Он просит согласовать цитаты и биографические факты по интервью. Вам удобно встретиться с ним сегодня в семь часов в ресторане «Le Pont» на набережной?

Слова были безупречно профессиональными, формулировка — такой, с какой не спорят. Клэр машинально взглянула на папку — на синие чернила отцовского почерка, которыми на одном из листов было выведено: «Клэр — проверь» — и сказала:

— Буду.

Положив трубку, она глянула на часы. Семь вечера. Сейчас было без пятнадцати шесть. До встречи — чуть больше часа. Она быстро убрала карандаш, проверила заряд диктофона, переложила в сумку запасную ручку и почти бегом вышла из библиотеки.

На улице моросил дождь — тот самый, парижский, который не льёт, но пробирает до костей. Внизу двор стянуло тонкой сеткой бликов от мокрого асфальта, пахло мокрой каменной пылью и прелыми листьями. Клэр нырнула в метро.

«Le Pont» оказался не парадным рестораном, а старомодным бистро на набережной: эмалевая вывеска под матовой лампой, узкий зал с большими окнами на воду, и мост — тот самый, старый, каменный — словно вползал прямо в окно. Клэр ни разу здесь не была и удивилась, что такой человек, как Адриен де Монтревель, назначил встречу в таком непритязательном месте. Но в глубине души обрадовалась — она не любила шикарные рестораны с их приторной вежливостью и ценами, от которых сводило скулы.

Внутри было полупусто. Клэр обвела взглядом зал и не сразу заметила Монтревеля. Он сидел спиной к стене у самого окна — так, чтобы видеть и вход, и мост, и весь зал.

Профессиональная привычка человека, который не любит сюрпризов. Перед ним лежала тонкая папка с цветными закладками и металлическими уголками; телефон — экраном вниз, рядом — чашка с кофе, к которой он, судя по всему, не притрагивался.

Он поднял взгляд только когда она подошла вплотную к столу. До этого казалось, что он не замечает ничего вокруг — или делает вид. Клэр кивнула в знак приветствия. Он едва заметно сдвинул с края стола серебряную зажигалку — уловил, как её взгляд на секунду дернулся на блеск металла.

— Спасибо, что нашли время, — произнёс он без лишних приветствий, деловым тоном, который не предполагал светской беседы.

— Вы звали, — спокойно ответила Клэр, кладя диктофон рядом с блокнотом — ровно на середину стола, не ближе к нему и не к себе. — Начнём?

— Начнём. И сразу по сути: у нас тридцать дней, — сказал он тихо, почти шёпотом, но так, что каждое слово повисло в воздухе. — И они пошли вчера.

Клэр с недоумением посмотрела на него. Тридцать дней? С чего?

Он развернул папку к ней. На титульной странице — незнакомое название: «Terres de Roque-Fenestre».

— Что это? — спросила Клэр, вглядываясь в мелкий шрифт.

— Семейная земельная компания, — ответил Адриен, спокойно постукивая пальцем по углу листа. — По сути, небольшое товарищество. На него оформлен ключевой участок плато и доля вашего отца. Через этот участок проходит коридор для кабельной трассы и узел подстанции. Без него мой проект не подключится к сети.

Он перевернул страницу и провёл пальцем по маркерной пометке.

— Здесь — устав компании. Обратите внимание на этот пункт: «Наследник допускается к доле только при наличии брака с режимом раздельности имущества (*séparation de biens*). Срок подтверждения — тридцать дней. При несоответствии — выкуп доли по балансовой стоимости стратегическим партнёром».

Клэр смотрела на папку буквально выпучив глаза, не понимая, шутка это или всё происходит на самом деле. Её собеседник как ни в чём не бывало продолжал.

Он развернул следующий лист — протокол общего собрания земельной компании, где жёлтым маркером была выделена строка.

— «Пункт №7. Фильтр допуска наследника... Предложено: П. Деверо. Поддержано: А.-М. де Монтревель. Принято большинством», — прочитал он вслух и поднял глаза на Клэр. — Ваш отец и моя мать внесли этот пункт вместе. Это был клапан против скупки одиноких наследников через доверенности и фиктивные «гражданские браки».

Клэр вдруг закрыла уши руками — жест отчаянный, почти детский — и практически прокричала:

— Я не понимаю, о чём вы говорите! Вы можете выразаться яснее? Без ваших юридических терминов?

Мужчина посмотрел на неё не со злостью, а с некоторым сожалением и пониманием. Он подождал, пока она опустит руки, и продолжил, чуть медленнее, подбирая слова:

— Хорошо. Объясню проще. Чтобы получить долю вашего отца, вы — его прямой наследник — должны состоять в официальном браке. И у супругов должен быть режим раздельности имущества. На подтверждение этих условий у нас осталось... — он взглянул на часы, — двадцать девять дней. Если не уложиться, компания выкупает вашу долю по минимальной, балансовой цене и отдаёт её стратегическому партнёру. Человеку по фамилии Габриэль Дельмас.

— Этот барьер ваш отец поставил вместе с моей матерью, чтобы защититься от скупщиков. Тогда Дельмас уже выманивал доли у одиноких наследников — через доверенности, через подставных жен и мужей, через фиктивное сожительство без регистрации.

— Кто такой этот Дельмас? — голос Клэр сел. — И как у моего отца вообще оказалась эта собственность?

Адриен откинулся на спинку стула, давая ей секунду переварить.

— Габриэль Дельмас, — спокойно ответил он. — Владелец и гендиректор «Delmas Ingénierie». Крупный подрядчик по тяжёлому монтажу и промышленному строительству. Его специализация — выигрывать тендеры через чужие руки и перехватывать контроль над узловыми кусками инфраструктуры. В 2013–2016 годах он действовал так: выманивал доли у одиноких наследников — через подставных лиц, через «сожительство без регистрации», через дешёвые выкупы, пока наследник не опомнится.

Он перевернул страницу. Перед Клэр оказалась тонкая схема с красной линией, обводящей два прямоугольника.

— У вашего отца было два законных владения. Первое — доля в земельной компании «Terres de Roque-Fenestre». Он получил её в 2011–2012 годах за вклад в проект: собрал сеть сервитутов с владельцев плато, внёс небольшой капитал и стал соуправляющим. Моя мать передала ему часть своих паёв, чтобы синхронизировать интересы. Это зафиксировано в реестре пайщиков и протоколах. Именно к этой доле применяется условие о браке, которое я вам озвучил.

Он перевёл палец ниже.

— Второе — отдельный земельный надел в личной собственности вашего отца. Полоса шириной двенадцать метров и длиной около трёхсот метров на стыке трёх участков — для кабельной трассы. В 2013-м Пьер выкупил её у фермера Марселя Рено за собственные деньги, чтобы никто не смог перекроить трассу шантажом. Этот кусок зарегистрирован в кадастре на его имя и в завещании выделен лично вам. Но пользоваться им полноценно без получения прав на долю в земельной компании, в которой я являюсь совладельцем, вы не сможете.

Он сделал паузу и пристально посмотрел на Клэр. Она почувствовала, что сейчас он скажет что-то важное — то, ради чего вся эта странная встреча и затевалась.

— Месье де Монтревель, — выпалила Клэр, чувствуя, как внутри поднимается горячая волна. — Вы ведь пригласили меня не за тем, чтобы поведать, что я вдруг стала богатой наследницей? У вас наверняка уже есть план, как мне получить моё наследство, а вам избавиться от конкурента?

Адриен де Монтревель откинулся на стуле, и его лицо стало абсолютно серьёзным — без тени той ленивой иронии, что обычно пряталась в уголках его губ.

— Вы правы, — сказал он ровно, почти холодно. — У меня есть план. И он требует от нас обоих... определённых шагов.

Он выдержал паузу — ровно настолько, чтобы тишина между ними стала тяжёлой, почти осязаемой.

— Чтобы вы получили долю отца, а я — контроль над проектом, мы должны стать мужем и женой. Фиктивный брак, мадемуазель Деверо. На три года год. С чётким контрактом, раздельным бюджетом и полной юридической защитой ваших интересов. Вы получаете наследство и ответы на вопросы о гибели вашего отца. Я получаю участок под кабельную трассу.

Он замолчал, глядя ей прямо в глаза.

Клэр не шевелилась. Она слышала, как за окном шуршит по мосту дождь, как где-то на кухне звякнула посуда, как её собственное сердце колотится где-то у горла.

А потом до неё дошло.

Жаркая, тошнотворная волна поднялась от желудка к груди, сжала горло. Она смотрела на него — на этот шрам, на холодные глаза, на самодовольную неправильную линию рта — и чувствовала только одно: омерзение. Физическое, почти рвотное. Этот человек ей противен. Его манера держаться, его тон, его уверенность в том, что любая женщина согласится на всё, что он предложит.

— Вы... — голос сел, она прокашлялась. — Вы сошли с ума.

— Возможно, — спокойно ответил Монтревель, не меняя позы.

— Я не выйду за вас замуж, — сказала Клэр, и каждое слово давалось ей с трудом. — Даже фиктивно. Даже за все деньги мира. Вы мне... — она хотела сказать «противны», но остановилась на полуслове. Не потому, что испугалась, а потому, что поняла: он прочитает это по её лицу и без слов. — Это невыносимо.

Адриен не торопился с ответом. Он взял свою чашку с остывшим кофе, сделал маленький глоток, поморщился — и поставил обратно.

— Я так и думал, что вы ответите, — сказал он без разочарования. — Поэтому я не жду вашего согласия здесь и сейчас. У вас будет время подумать.

— Мне не нужно время, — отрезала Клэр, начиная собирать блокнот. — Мой ответ — нет.

— Тогда позвольте сказать вам одну вещь напоследок, — его голос стал тише, но от этого только жестче. — Через двадцать девять дней доля вашего отца уйдёт Габриэлю Дельмасу. Вы не получите ничего. — Он сделал паузу, и его холодные глаза впились в неё. — Вы готовы пожертвовать имуществом, которое ваш отец зарабатывал? Которое он оставил вам? А вы возьмёте и просто отдадите его чужому человеку?

Клэр замерла. Слова попали в цель — она почувствовала, как что-то острое кольнуло под рёбрами. Отец. Его работа. Его вечные «это для вас, девочки». И теперь всё это уплывёт к какому-то Дельмасу, если она не...

— Я не прошу вас любить меня, — продолжил Монтревель, чуть смягчив тон, но не отводя взгляда. — Я предлагаю деловое партнёрство. Брак — просто инструмент. Вы сохраняете наследство отца, я — свой проект. А после — каждый идёт своей дорогой.

Он вытащил из внутреннего кармана пиджака визитку и положил её на стол, придавив уголком серебряной зажигалки.

— Три дня, мадемуазель Деверо. Подумайте три дня. Мой личный номер — на карточке. Если передумаете — позвоните. Если нет... — он чуть пожал плечами, — что ж, я найду другой способ. А вы объясните себе самой, почему отказались от того, что отец для вас построил.

Он поднялся, кивнул — коротко, сухо — и направился к выходу, оставив на столе нетронутый кофе, визитку, деньги за кофе и тяжёлую, вязкую тишину.

Клэр сидела не двигаясь, пока его шаги не стихли за дверью. Потом медленно, словно у неё сломали позвоночник, опустила голову на сложенные руки.

Она дрожала. От злости, от унижения, от этого мерзкого, липкого чувства, когда тобой манипулируют, а ты не можешь ничего сделать. Но через двадцать девять дней всё исчезнет. Наследство отца. Последний след. Последняя зацепка.

Она подняла голову и посмотрела на визитку. Серебряная зажигалка тускло блестела под светом лампы.

Три дня.

Клэр убрала визитку в карман джинсов — не глядя, словно от этого зависело, случится ли всё на самом деле. Собрала блокнот, диктофон, папку. Встала. Ноги были ватными.

На выходе из кафе она столкнулась с официантом, который нёс два новых кофе для пустого столика. Она извинилась, не поднимая глаз, и вышла под дождь.

Морось всё так же висела в воздухе, не решаясь стать настоящим ливнем. Клэр сделала несколько шагов к набережной, остановилась, оперлась руками о гранитный парапет и посмотрела на чёрную воду.

— Папа, — сказала она тихо, одними губами, — что же ты наделал? И что мне теперь делать?

В ответ — только плеск волн о камни, далёкий гудок баржи и шорох шин по мокрому асфальту.

Глава 6

После «Le Pont» она не поехала домой. Ей нужно было идти, чувствовать под ногами мокрую твердь тротуара, чтобы хоть как-то заземлить вихрь, поднятый словами де Монтревеля. Клэр шла вдоль Сены. Весенняя морось, словно тонкая серая кисея, застилала город, стирая границы между небом и водой, между вчерашней уверенностью и сегодняшним хаосом.

Паники не было. Была лишь странная, звенящая пустота, в которой, как в калейдоскопе, кружились обрывки фраз и цифры. Факты выстраивались перед ней неприступной стеной:

Три дня. Всего семьдесят два часа на решение, которое перечеркнет её прежнюю жизнь.

Сделка. Брак как единственный способ сохранить контроль над земельным участком отца.

Наследие. Тот самый «коридор» на плато, который её отец, Пьер Деверо, собирал по крупицам через сеть сервитутов. Узел подстанции, без которого амбициозный проект Монтревеля оставался лишь грудой чертежей. Отец не просто владел землёй — он владел «рубильником» всей системы.

Габриэль Дельмас. Человек, чья фамилия теперь вызывала лишь холодную ярость. Опасный игрок и бизнес-конкурент Адриена. Габриэль не остановится ни перед чем, чтобы перехватить права на участок и задушить проект Монтревеля в зародыше. Если Клэр не вступит в права по уставу, Дельмас поглотит её долю, превратив дело всей жизни её отца в рычаг для уничтожения противника.

Клэр остановилась, вцепившись в парапет моста. Ирония ситуации жгла изнутри: она прожила двадцать лет, не подозревая о том, что её отец был «серым кардиналом» земельных сделок. Она была счастлива в своей крошечной квартире, а теперь оказалась в эпицентре корпоративной войны. Могла ли она позволить Габриэлю Дельмасу растоптать то, что её отец создавал в тесном партнёрстве с матерью Адриена?

«Журналистка выходит замуж за главного героя своей статьи», — пронеслось в голове. Завтрашние заголовки уже рисовались в воображении ядовитым курсивом.

А если Монтревель опасен? Он был пугающе расчетлив. Сможет ли она сохранить себя рядом с человеком, для которого она сейчас — лишь юридический инструмент для подключения его проекта к сети?

Она подняла воротник пальто, вдохнула запах дождя, камня и речной воды — и пошла дальше. Туда, где ей предстояло сделать выбор, от которого уже нельзя будет отвернуться.

Дома пахло печеными яблоками и ванилью. Франсуаза, мать Клэр, сняла очки и молча поставила чайник.

— Маман... — Клэр опустила на стул. — Ты знала? О «Terres de Roque-Fenestre»? О том, что отец заложил этот «фильтр» в устав?

— Знала, — тихо ответила Франсуаза. — Твой отец и Анн-Мари, мать Адриена, создали это товарищество, чтобы защитить плато от таких хищников, как Габриэль Дельмас. Твой отец внес капитал и обеспечил проход кабельной трассы. Анн-Мари передала ему паи, чтобы интересы их семей были неразрывны. Ты — последний замок на этой двери, Клэр. Если ты не выйдешь замуж за Адриена, Габриэль найдет лазейку в уставе и заберет всё.

— Значит, ты давно его знаешь?

— Адриен рос на моих глазах. Он стал жестким, потому что управление такой империей не терпит слабости. Но он честен. В нем есть та порядочность, которая заставит его соблюдать условия договора до последней запятой. Он не позволит Дельмасу приблизиться к тебе.

— Он предложил мне брак, — выдохнула Клэр. — Деловой союз. Чтобы сохранить всё.

Мать внимательно посмотрела на дочь, и в её глазах читалось не удивление, а глубокая, печальная понимание.

— Я догадывалась, что он предложит это. Для него это — логично. Поступок настоящего хозяина. — Она накрыла её ладонь своей, тёплой и уверенной. — Если решаться — то только на твоих условиях. Отдельные жизни, отдельные бюджеты. Чёткий выходной пункт. И нотариус. Его слово для него — закон.

— А если ошибёмся? Если он... подавит?

— Тогда скажешь «нет» и уйдёшь. Но в Адриена я верю. Он из тех, кто держит слово.

Они сидели молча, и это молчание было наполнено памятью о тех, кого уже нет, и тихой надеждой на тех, кто остался.

Клэр нужен был не совет, а экспертное мнение. Чужие эмоции, пусть и самые любящие, могли только помешать. Рука сама потянулась к телефону — где был записан номер близкой подруги Маргариты, ее любимой "Марго". Тому, кто мысленно оперировал не чувствами, а структурами, и чей острый ум напоминал хирургический скальпель. При всем при этом, Марго работала в строительной компании и как никто разбиралась в подобных вещах.

Марго приехала быстро — деловой костюм, собранные волосы, взгляд, привыкший выхватывать суть из кипы документов. Они устроились в углу маленького бистро, и Клэр, не теряя времени, выложила суть.

Выслушав, Марго отхлебнула кофе и поставила чашку с тихим стуком. — Юридически всё чисто. Жестко, но безупречно. Устав земельной компании — это не рекомендация, это закон для её участников. Твой отец был одним из его создателей. — Она посмотрела на Клэр прямым, ясным взглядом. — Монтревель прав. Это не брак в привычном смысле. Это слияние активов для сохранения контроля. Его предложение — не романтический жест, а единственный стратегический выход.

— Но это же безумие! — вырвалось у Клэр. Внезапные слёзы выступили на глазах, и она смахнула их с досадой. — Он мне неприятен, Марго! Он холодный, он смотрит сквозь меня, как на очередной документ! Как я могу согласиться на это?

— Тише, тише, — мягко сказала Марго, дотрагиваясь до её руки. — Это не брак, Клэр. Это формальность. Брак по расчёту, да. Но посмотри на это с другой стороны — он сказочно богат. Половина Парижа мечтала бы оказаться на твоём месте. Ты сохранишь то, что дорого, и получишь защиту. Больше от тебя ничего не требуется.

Клэр молча кивнула, сжимая в руке салфетку. Да, это была всего лишь формальность. Сделка. Но почему же на душе было так тяжело?

Она вернулась домой, и терзания продолжились. Клэр ходила по комнате, вспоминала слова матери, доводы Марго, суровое лицо Монтревеля. Это был единственный шанс. Единственный способ не позволить всему, что любил и защищал отец, уйти в чужие руки.

Вздыхнув, она взяла телефон. Пальцы дрожали, но она чётко напечатала сообщение: «Я согласна. Обсудим детали.»

Она не стала ждать ответа, просто положила телефон на стол и закрыла глаза. Теперь оставалось только ждать.

Утро было стерильно-безоблачным, словно сама погода получила указание не мешать мероприятию. Клэр стояла у зеркала в своей гостиной, а Марго, исполняя роль стилиста, поправляла складки на её одежде.

Это не было платье. Это был костюм — из тончайшей шерсти цвета слоновой кости, с жакетом строгого кроя и юбкой до колена.

- Ты идешь не под венец, а на подписание важнейшего контракта в твоей жизни, — сказала Марго, вручая ей туфли-лодочки.

Вместо фаты — элегантная шляпка-таблетка. Вместо букета — кожаный портфель, где лежали паспорт и заверенная копия брачного договора.

Мать, Франсуаза, молча помогла ей надеть пальто. В её взгляде читалась горечь и понимание.

- Он не позволит обидеть тебя, — тихо повторила она утренние слова, будто пытаясь убедить саму себя.

Клэр поймала себя на мысли, что очень сожалеет о своём решении всё-таки дать согласие на этот брак. Написав в тот роковой вечер сообщение со словами *"Я согласна"*, она в глубине души надеялась, что Монтревель напишет ей что передумал или просто не станет отвечать на ее сообщение. Но к ее глубокому разочарованию, буквально через пятнадцать минут после отправки смс сообщения на экране смартфона высветилось сообщение - *"Регистрация в пятницу в 12, купите любое платье на ваш выбор, я все оплачу!"*.

Вместо радости, которое должна была ощутить девушка, которой выпал такой счастливый билет -выйти замуж за миллиардера, Клэр ощутила страх и горечь и впервые с момента, когда она узнала о наследстве отца, девушка дала волю эмоциям и заплакала навзрыд на плече у подруги.

Церемония была назначена в мэрии седьмого округа — выбрано за сдержанную элегантность и удалённость от папарацци. У подъезда их уже ждал чёрный лимузин с тонированными стёклами. Первый барьер был взят.

Внутри царил тишина, нарушаемая лишь эхом каблучков по мраморному полу. Всё было правильно, красиво и бездушно: несколько гостей -Марго, Лоран, мать Клэр и ее брат, мелодичный голос чиновника, разносящийся под сводами.

И ОН!!! Адриен де Монтревель, человек, которого, как ей казалось, она ненавидит всей душой.

Он стоял у стола, безупречный в чёрном костюме, словно только что сошёл со страницы финансового отчёта. Его осанка, прямой взгляд, лёгкий наклон головы — всё излучало холодную уверенность. Когда она подошла, он кивнул ей, как деловому партнёру, явившемуся на совещание вовремя. Ни тени волнения, ни намёка на сомнение. От него веяло таким ледяным спокойствием, что по коже Клэр пробежали мурашки. Это не было волнением. Это была физиологическая реакция на что-то чуждое, подавляющее.

Чиновник заговорил о любви, верности и семье. Слова висели в воздухе неуместным, почти кошунственным фарсом. Клэр чувствовала, как её пальцы холодеют. Она на мгновение взглянула на профиль своего новоявленного мужа и ловила себя на мысли, насколько отталкивающей казалась ей эта бесстрастная красота, эта выверенная до миллиметра гармония. Он был как идеально отполированный клинок — восхищал мастерством, но пугал своим предназначением.

Кульминацией стал обмен кольцами. Это были не обручальные кольца, а массивные платиновые печатки с гравировкой — его фамильный герб. Когда он взял её руку, его пальцы были сухими и прохладными. Прикосновение длилось мгновение, но она успела почувствовать шероховатость кожи и скрытую в ней силу. Он надел кольцо на её палец с той же целеустремлённой точностью, с какой подписывает документ. Взгляды их встретились. И она не увидела в его глазах ничего — ни торжества, ни любопытства, ни даже простого человеческого участия. Только концентрацию на выполняемой задаче. Её тошнило от этой пустоты.

«Объявляю вас мужем и женой по закону Французской Республики».

Фраза прозвучала как приговор. Они повернулись к мнимым гостям. Адриен предложил ей руку. Рукав его пиджака был из тончайшей шерсти, но прикосновение к нему жгло кожу словно раскалённый металл. Она едва сдержала порыв отдёрнуть ладонь.

На выходе из ратуши их ждал сюрприз. Вспышка. Одинокая, резкая. Фотограф, притаившийся за колонной, успел сделать два кадра, прежде чем подоспевший человек в тёмном костюме мягко, но настойчиво увёл его в сторону.

Де Монтревель не дрогнул. Он лишь чуть сильнее сжал её локоть, не как знак поддержки, а как сигнал: *не оборачивайся, не показывай слабость*. Это был их первый враг, и он уже здесь. От этого осознания стало ещё холоднее.

Он помог ей сесть в лимузин. Двери закрылись, отсекая внешний мир. В салоне пахло кожей и дорогим парфюмом, который он использовал. Запах был приятным, но он вызывал у Клэр тошноту. Она прижалась к своему окну, стараясь занять как можно меньше места.

Машина тронулась. Он не смотрел на неё, уставившись в планшет. — Первая публичная апробация пройдена, — произнёс он, не отрывая взгляда от экрана. — Вы держались достойно.

Она не ответила. Слова застревали в горле комом обиды и унижения.

Он привёз её в свой особняк на набережной Бранли. Лифт поднялся на самый верх, открыв дверь в пространство, больше похожее на музей современного искусства, чем на жилой дом: панорамные окна, полированный бетон, сталь, несколько лаконичных предметов мебели. Все это казалось Клэр безупречным, но одновременно таким стерильным и абсолютно бездушным.

Монтревель провёл её по залу, его шаги гулко отдавались в пустоте. — Ваши апартаменты — слева, — он указал рукой на коридор. — Там всё необходимое. Мои — справа. Элен, экономка, будет к вашим услугам с утра. Спокойной ночи, Клэр.

Он произнёс её имя впервые, но это прозвучало не как интимность, а как официальное утверждение нового статуса. На мгновение он остановился, как будто ждал от неё ответа, но так и не дождавшись ответа, развернулся и ушёл в свою часть дома. Дверь закрылась с тихим щелчком.

Клэр осталась стоять одна в центре гигантской гостиной. Глухая тишина давила на уши. Она подошла к окну, упираясь лбом в ледяное стекло. Внизу раскинулся Париж, сияющий и безразличный. Она сжала в кулаке платиновую печатку, впившуюся в палец. С силой стянув её и зажав в ладони, почувствовала, как металл нагревается от тепла её кожи.

Она обвела взглядом стерильное великолепие вокруг. Это не был дом. Это была самая роскошная тюрьма в мире, а её смотритель — человек, который вызывал у неё лишь леденящую неприязнь. И первый шаг в этой вынужденной близости был сделан. Самый трудный — пересечь порог и остаться здесь наедине с тем, кто отныне был её мужем.

Глава 7

Первая ночь в особняке на набережной Бранли стала для Клэр бесконечной пыткой осознания. Она лежала на огромной кровати под стерильно-белым покрывалом в своей спальне той, что Адриен цинично назвал «гостевой», и не могла сомкнуть глаз.

Комната была воплощением безупречного вкуса и дорогого минимализма: панорамное окно от пола до потолка, открывающее вид на сияющий огнями Париж, стены цвета слоновой кости, пара абстрактных картин в тонких рамах. Ни одной лишней вещи. Ни намёка на уют. Пространство из глянцевого журнала идеальное и безжизненное. Воздух, густой и неподвижный, пах кожей и холодным дорогим ароматизатором с нотками сандала. Каждый вдох напоминал: ты здесь чужая.

Клэр скучала по дому до физической боли. По запаху маминого яблочного пирога с кухни. По назойливым вопросам брата Поля. По скрипу старого паркета в коридоре. По той живой, пусть и скромной, жизни, которую у неё отняли.

Весь день слёзы подступали к горлу, но она сжимала кулаки, не позволяя им пролиться. Малейшая слабость и их замысел раскроется. Но сейчас, когда никто не мог её видеть, Клэр дала волю эмоциям и почти беззвучно заплакала, уткнувшись лицо в подушку, чтобы не услышали за дверью.

Утром её встретила Элен, экономка женщина лет шестидесяти с седыми волосами, убранными в строгий пучок, и внимательным, всё замечающим взглядом. Её движения были выверены и бесшумны, а почтительное «мадам де Монтревель» звучало как отточенная годами формальность. В этой преданности, обращённой исключительно к хозяину, Клэр почувствовала себя чужой на этой территории незваной гостьей, которую терпят из вежливости.

Завтрак подали в столовую, где один только обеденный стол из тёмного полированного дерева мог вместить всю её семью. Адриен уже ждал её, уткнувшись в планшет. Он был одет не так элегантно, как в день свадьбы: чёрные джинсы, светлая кофта. И Клэр внезапно поймала себя на мысли, что даже в повседневной одежде её новоявленный муж выглядит безупречно. Слишком безупречно. Слово сама небрежность была тщательно выверена.

— Доброе утро, — произнёс Монтревель, не поднимая глаз. — Присаживайтесь.

Она молча заняла место напротив. Между ними лежала не просто широкая столешница целая пропасть.

Элен поставила перед Клэр завтрак: тарелку с тонко нарезанным авокадо на поджаренном хлебе, чашку дымящегося кофе с идеальной молочной пенкой. Когда экономка удалилась, Монтревель отложил планшет. Его взгляд наконец упал на неё: тяжёлый, оценивающий, как у антиквара, рассматривающего сомнительную драгоценность.

— Я полагаю, нам следует обсудить условия нашего сосуществования — начал он ровным, деловым тоном. — Ваш распорядок дня - ваше личное дело. Вы можете продолжить учёбу и работу в Le Clairon. От вас требуется лишь присутствовать рядом на официальных мероприятиях. Ужины, благотворительные вечера, светские рауты. Публика должна видеть счастливую и гармоничную пару.

Клэр невольно фыркнула, но тут же подавила порыв. Счастливую? Чтобы изображать счастье, ей нужно учиться не на журналиста, а поступать в театральный.

Он заметил её реакцию - в уголках его губ дрогнуло нечто, отдалённо напоминающее усмешку.

— Игра, мадам, требует жертв.

Он достал из кармана чёрную матовую карту и протянул ей через стол.

— Ваш личный бюджет. Без ограничений. Одежда, книги, всё, что сочтёте нужным.

Клэр послушно взяла карту. Пластик был холодным и скользким как и весь этот брак. Она положила карту на стол рядом с собой и посмотрела на Адриена. Внутри клокотала смесь гнева и унижения. Он купил её. Её молчание. Её улыбки на публике. Её игру в послушную супругу.

— А что насчёт моей настоящей жизни? — тихо спросила она. Голос дрогнул к её собственному ужасу.

— Что вы имеете в виду под этим выражением, мадам? — в его тоне прозвучала лёгкая насмешка.

— Свою работу. Свои привычки. Свою семью, — перечислила она, глядя ему прямо в глаза. — Всё, что делает меня мной.

— Всё это остаётся при вас, — холодно парировал Монтревель. — Как и моя жизнь — при мне. Но вынужден предупредить, мадам: будьте осторожны. Никаких любовных связей на виду. Не попадайтесь журналистам в неловких ситуациях. И, — его голос стал ледяным, — не вздумайте забеременеть. Я не признаю этого ребёнка. Это прописано в брачном контракте, если вы помните.

Клэр буквально вспыхнула. Как он смеет? Считать её способной на такое? Ей хотелось бросить в ответ какую-нибудь убийственную колкость, но слова застряли в горле. Она смотрела на него и чувствовала, как предательски краснеют щёки. Что происходит? Почему она робеет каждый раз, оставаясь с ним наедине?

Он встал и его тень снова, как вчера, на мгновение закрыла от неё свет.

— Наши апартаменты разделены. Эта дверь, — он кивнул в сторону коридора, ведущего в его крыло, — будет всегда закрыта. Для нас обоих. Хорошего дня, мадам.

Он вышел из столовой. Шаги быстро затихли в глубине дома.

Клэр осталась сидеть, глядя на чёрную карту. Она чувствовала себя птицей в золотой клетке: есть всё, кроме главного — свободы. Права на собственные чувства.

Адриен де Монтревель, закрыв за собой дверь кабинета, прислонился к косяку и с силой провёл рукой по лицу. Вид наполненных тоской глаз Клэр сводил его с ума. Он видел, как она сжалась, когда он протянул эту чёртову карту. Видел отторжение и боль в каждом её вздохе.

Ему, привыкшему к женскому вниманию, было мучительно от того, что в её глазах он был не спасителем, а похитителем. Тюремщиком, который ради своей выгоды сломал её жизнь. Он хотел закричать, что это не так. Объяснить, что этот брак единственный щит, который он смог придумать. Против Дельмаса. И для неё самой. Оставшись одна с таким наследством, она была бы сметена и уничтожена.

Но он не мог. Слишком многое стояло на карте. Слишком много врагов поджидало его слабину. Прояви он хоть каплю мягкости они оба погибнут. Эта мысль была его единственным утешением и вечным проклятием.

Он подошёл к бару, налил неразбавленного виски, и залпом осушил бокал. Жгучая жидкость обожгла горло, но не смогла заглушить жгучую жалость к Клэр и странную, щемящую нежность, которую он чувствовал каждый раз, глядя на её упрямый подбородок и прячущую боль улыбку.

Как же она была красива. Зелёные глаза то насмешливые, то полные боли. Точёная фигура. Золотые волосы, то рассыпанные по плечам, то убранные в строгую причёску. Ему хотелось, чтобы она смотрела на него иначе. Хотелось увидеть на её лице улыбку не ту, фальшивую, для гостей, а настоящую. Но вместо этого он видел а её глазах лишь отвращение и ненависть.

Дело сделано. Он загнал её в эту роскошную тюрьму. И теперь ему оставалось лишь молча наблюдать из-за решётки собственного одиночества, как она в ней томится.

Следующие две недели Клэр старалась проводить в холодной великолепии особняка как можно меньше времени. Она с головой погрузилась в учёбу и работу. Днём лекции в университете. Вечером редакция *Le Clairon*, где она засиживалась до поздней ночи, готовя материалы.

Главный редактор Бернар Лемуан лишь удивлённо пожимал плечами, наблюдая за её рвением. В конце концов, его подчинённая теперь явно не нуждалась в зарботке. Коллеги и однокурсники, осмелев, допытывались о семейной жизни с миллионером. Клэр ловко отшучивалась, боясь, что кто-то разглядит в её глазах правду.

После работы она часто навещала маму и брата. В их уютной, пропахшей выпечкой квартире она снова чувствовала себя собой, не мадам де Монтревель, а просто Клэр. Помогала на кухне. Покупала продукты. Досаждала Полю расспросами об учёбе.

Франсуаза несколько раз осторожно пыталась завести разговор об Адриене, но, видя, как дочь замыкается, в конце концов оставила попытки. Только однажды, уже на пороге, сказала тихо:

— Присмотрись к нему, дочка. Поверь, он не плохой человек. Он не причинит тебе зла.

Клэр машинально кивнула, поцеловала мать в щеку и вышла к поджидавшему у подъезда лимузину ещё одному символу своей новой, чужой жизни.

С мужем она виделась урывками за утренним завтраком и изредка вечером. Несколько раз их беседа заходила о её статьях. Адриен, к её удивлению, давал дельные советы. Предложил дополнить материал о достопримечательностях Парижа историческим экскурсом и подробно, с цитатами из Виктора Гюго и Вольтера, рассказал о Соборе Парижской Богородицы и Триумфальной арке. В эти минуты, увлечённые разговором, они оба забывали о фарсе своего союза и могли засиживаться далеко за полночь. Ложась в постель, Клэр ловила себя на мысли, что, возможно, они смогут остаться друзьями, когда срок их контракта истечёт. Эта мысль приносила ей странное умиротворение.

Однажды вечером, когда Клэр читала в своей комнате, в дверь постучали. Не дожидаясь ответа, на пороге появился Адриен. В его руках были две коробки одна большая, от известного дома моды, вторая миниатюрная, бархатная, размером с ладонь.

— Завтра вечером благотворительный бал моего фонда, — сказал он, ставя коробки на диван. — Вам понадобится соответствующий наряд. Я взял на себя смелость.

Клэр сдержанно кивнула, вновь почувствовав себя вещь, для которой подбирают упаковку. Он, казалось, уловил её настроение.

— Примерите? — спросил он неожиданно мягко, протягивая большую коробку. — Я хотел бы убедиться, что всё в порядке.

Удивлённая его тоном, она на мгновение замерла, но всё же взяла коробку и удалилась в гардеробную.

Внутри лежало не просто платье произведение искусства. Струющийся шёлк цвета морской волны, тончайшие бретели, глубокий вырез, открывающий плечи и шею. Оно было одновременно строгим и невероятно чувственным. Надев его, Клэр едва узнала себя в зеркале. Ткань облегла фигуру, подчёркивая каждую линию.

Не решаясь выйти, она всё же сделала шаг в комнату.

Адриен стоял у панорамного окна, но, услышав её шаги, обернулся. И замер.

Его обычная холодная маска на мгновение дрогнула, уступив место неподдельному восхищению. В черных глазах вспыхнул быстрый, горячий огонь от него у Клэр перехватило дыхание.

— Идеально, — наконец выдохнул он, и его голос прозвучал чуть хрипло. — Абсолютно идеально.

Он подошёл ближе. Его пальцы обычно такие твёрдые и уверенные с неожиданной нежностью поправили соскользнувшую бретельку. Прикосновение было лёгким, как дуновение ветра, но оно обожгло её кожу.

— Теперь это, — он открыл вторую, бархатную коробку.

На чёрном ложе лежало ожерелье. Не современная безделушка старинное, тяжёлое, из крупных сапфиров и бриллиантов в причудливой золотой оправе. Оно дышало историей и благородством.

— Это принадлежало моей матери, Анн-Мари, - тихо сказал Адриен. — Она была бы рада видеть его на вас.

Клэр не нашлась что ответить. Что значит этот жест? Собравшись с мыслями, она произнесла:

— Благодарю вас, месье, но я не могу принять ожерелье вашей матери. Это по меньшей мере несправедливо по отношению к её памяти.

— И в чём же заключается несправедливость? — с лёгкой иронией спросил Адриен. — Если вы наденете его на бал?

— Такое ожерелье должна носить женщина, которую вы выбрали по любви. А наш брак... — она запнулась, подбирая слова, - простите, но не кажется ли вам, что это лишнее?

Он не стал спорить. Молча достал ожерелье из коробки и жестом предложил ей повернуться.

Она повиновалась. Его пальцы тёплые и удивительно ловкие застегнули застёжку у неё на шее. Сапфиры холодно легли на кожу, но внутри у неё всё плавилось от странного волнения.

Когда она снова повернулась к нему, он, не скрывая восхищения, произнёс:

— Идеально. Мадам, вы будете самой ослепительной женщиной на завтрашнем балу. - Он помолчал, и его голос стал тише, почти интимным. — Клэр, вы хотя бы осознаёте, насколько вы прекрасны?

Она подошла к зеркалу. Отражение в длинном платье цвета морской глубины, с сияющим на шее сапфировым водопадом, заставило её смущённо улыбнуться. В этот миг она чувствовала себя не пленницей принцессой из старой сказки.

Адриен всё это время наблюдал за ней, сражаясь с почти неконтролируемым порывом подойти, обнять её, прикоснуться к её губам, сделать своей по-настоящему. С внезапной ясностью он осознал: он влюблён. Как мальчишка. Эта мысль одновременно восхищала и пугала.

Влюбиться в единственную женщину, которая его презирает, разве не это высшая ирония судьбы? Есть ли у него шанс завоевать её расположение? Её любовь? Кто бы мог подумать, что он, граф де Монтревель, потомок древнего рода, будет робеть перед девушкой, с которой его связали обстоятельства. Один его звонок мог привести в спальню любую красавицу из записной книжки. Но он не хотел никого другого. Только её. Эту неприступную, гордую и такую невероятно прекрасную женщину.

Молчание затянулось. Первым его прервал Адриен.

— Мадам, — сказал он тихо, но твёрдо. — Я хочу, чтобы это ожерелье принадлежало вам. Примите его. Считайте это благодарностью за то согласие, которое вы дали. За ту роль, которую вы вынуждены играть. — Он сделал паузу. — Я вам искренне благодарен.

С этими словами он вышел, плотно закрыв за собой дверь.

Клэр осталась стоять посреди комнаты, прикасаясь пальцами к холодным сапфирам, которые уже начинали согреваться теплом её кожи. И чувствовала, как в душе у неё что-то переворачивается.

Она не знала, что это было страх, надежда или начало чего-то, что она пока не осмеливалась назвать.

Глава 8

Следующим вечером лимузин плавно подкатил к сияющему фасаду особняка, откуда доносились приглушённые, словно через вату, звуки оркестра. За тонированным стеклом проносились огни Парижа — растянутые в световые нити, они превращали город в декорацию к чуждой, дорогой сказке. Сердце Клэр тревожно стучало. Она ловила на себе восхищённые взгляды прохожих, но внутри всё сжималось от липкого, незнакомого холода, а пальцы, лежавшие на бархатной клатче, буквально леденели.

Адриен, сидевший рядом, внешне был воплощением спокойствия — статуя, высеченная из мрамора и одетая в смокинг. Однако в его пристальном, сосредоточенном взгляде, устремлённом в одну точку за стеклом, читалась напряжённая работа мысли. Прежде чем шофёр распахнул дверь, Монтревель неожиданно повернулся к ней.

— Клэр — произнёс он, и её имя в его устах прозвучало не как формальность, а как сокровенное слово, обрётшее вдруг вес и значение. — Не бойтесь. Просто будьте собой. Вы прекрасны. И помните: я рядом.

Эти простые слова подействовали сильнее любого заклинания. Он не требовал играть роль — он просил её быть собой. Это дарило странную, щемящую уверенность. Она кивнула, глубоко вздохнула — так ныряльщик набирает воздух перед прыжком в бездну — и вложила свою дрожащую руку в его протянутую ладонь. Его пальцы оказались сухими и тёплыми. Этот контраст с её ледяной кожей почему-то запомнился ей ярче всего.

Едва они ступили на пурпурную дорожку, их ослепила яростная какофония вспышек. Море репортёров, похожих на единый, беспокойный организм с сотнями глаз-объективов, вздыбилось за ограждением. Вопросы — неразборчивые, резкие, жадные — сыпались со всех сторон, сливаясь в оглушительный гул, от которого закладывало уши. Паника — холодная, липкая, как медуза — подступила к горлу, перехватила дыхание. Клэр в отчаянии взглянула на мужа. Монтревель, привыкший быть мишенью для чужих фотообъективов, лишь подмигнул ей с лёгкой, едва заметной усмешкой и, крепче сжимая её руку — настолько крепко, что это почти причиняло боль, но эта боль была спасительной — решительно повёл сквозь этот хаос, не останавливаясь ни на секунду.

В золочёном вестибюле, под сводами, расписанными в стиле рококо, было тише. Но внимание — плотное, почти физически ощутимое, как стена тёплого воздуха у печи — никуда не исчезло. Шёпот за спиной: *«Это она?..»*, *«Боже, какое платье»*, *«Говорят, она журналистка»*. Вспышки камер из-за колонн, взгляды, которые раздевали, оценивали, взвешивали. Каждый из них был прикован к Клэр. Сегодня новоявленная графиня де Монтревель впервые появлялась на публике.

Ей вдруг страстно, по-детски захотелось развернуться и бежать — прочь из этого ослепительного зала, не думая о последствиях, о контракте, о деньгах. И она уже мысленно сделала первый шаг к отступлению, как вдруг Адриен, будто угадав её порыв, сжал её руку ещё крепче. А другой рукой — небрежно, словно поправляя прядь — коснулся её обнажённого плеча. Жест был коротким, почти мимолётным, но в нём читалось: *«Я здесь. Ты не одна»*. От этого — твёрдого, собственнического и одновременно обнадеживающего — жеста тревога чуть отступила, сменившись странной, непрошеной благодарностью.

«Странно, — промелькнуло в голове, пока они медленно двигались сквозь строй блестящих глаз и драгоценностей, — я ведь сама была по ту сторону баррикад. С блокнотом и диктофоном в руках, с вечно ноющей спиной от долгого стояния, преследовала очередную знаменитость. Щёлкала их улыбки и слёзы. А теперь я — та самая знаменитость». И она с внезапной, почти жестокой остротой поняла, почему те люди — с потухшими глазами и застывшими улыбками — с таким раздражением и усталостью отшатывались от навязчивых объективов.

Рука мужа уверенно лежала на её талии, очерчивая невидимую зону безопасности. Он наклонялся к ней, тихо называя имена важных гостей: «Э...вон там, слева — принц Жан Орлеанский, граф Парижский. А справа от него — старый чудак де Брольи, он до сих пор появляется в свете с моноклем. Не обращайтесь внимания». Его низкий, спокойный голос был её единственной опорой в этом зале, где люстра весила больше, чем вся её прошлая жизнь. Знакомств было так много, что вскоре лица и имена превратились в размытое, текучее пятно.

Позже других появился тот самый Габриэль Дельмас. Клэр почувствовала его раньше, чем увидела — каким-то шестым чувством, доставшимся от профессии. В зале словно повеяло сквозняком. Дельмас был высок, седовлас, с лицом аскета и глазами ростовщика. Сразу стало видно: он явился с одной-единственной целью — изучить жену своего злейшего врага. Увидев Монтревеля, он подошёл с нарочито-безупречной улыбкой, обменялся ледяными любезностями: «

— Как поживает ваш фонд, Адриен? Всё ещё собирает крохи с чужих обедов? — и устремил на Клэр тяжёлый, оценивающий взгляд — такой же липкий и неприятный, как прикосновение слизня.

— Очаровательны, — произнёс он, целуя её руку чуть дольше, чем следовало. — Надеюсь, вы знаете, на что идёте. Брак с Монтревелем — это не прогулка по Елисейским полям. Это война.

Пожелав «молодым» счастья тоном, не оставляющим сомнений в искренности пожелания, он быстро удалился, растворившись в толпе, но оставив за собой шлейф недоброжелательности — как старый табачный дым.

Монтревель, глядя ему вслед, процедил сквозь зубы так тихо, что Клэр едва расслышала: — Змей.

Она с первого взгляда почувствовала в этом человеке безжалостную, почти хирургическую целеустремлённость. И с ужасом, пробившимся сквозь шампанское и огни, осознала: они ввязались в игру, где ставки выше, чем она могла вообразить. Ей стало по-настоящему страшно. Впервые за этот вечер.

Когда круг обязательных приветствий наконец замкнулся — после десятого рукопожатия, двадцатой дежурной улыбки и тридцатого «Как мило, что вы пришли», — Монтревель отвёл её в сторону, к изысканно накрытому фуршетному столу, где горкой возвышались устрицы на льду и розовело мясо в тесте. Взяв два бокала шампанского, один он протянул ей.

— Вы держитесь молодцом, — тихо сказал он, отпив из своего бокала. Лёгкая тень одобрения скользнула по его лицу. — Прошу вас, потерпите ещё немного Впрочем, — он вдруг бросил взгляд через её плечо, и в его глазах мелькнула редкая, почти мальчишеская искорка, — я думаю, вам не будет здесь скучно.

Клэр повернулась и застыла. Рядом с Лораном, в элегантном вечернем платье цвета бордо — том самом, которое она помогала выбирать Марго год назад — стояла её подруга. Их взгляды встретились, и на лице Марго расцвела удивлённая, но безудержно счастливая улыбка, которая бывает только у тех, кто встретил чудо в мире, где чудес не ждут. Лоран, заметив их реакцию, одобрительно подмигнул Адриену — как сообщник сообщнику.

— Я пригласил её, — пояснил Адриен, отвечая на немой, полный изумления вопрос в глазах Клэр. — Подумал, вам будет спокойнее, если рядом будет друг.

Он говорил ровно, деловито, будто речь шла о составлении графика встреч. Но эта простая и такая глубокая забота тронула Клэр до слёз. Словно камень, который она не замечала у себя на груди все эти полтора месяца, вдруг свалился. Она с облегчением выдохнула — и с новой, удивительной силой сжала руку мужа. Впервые это было не жестом для публики. И, уверенно следуя с ним к месту, где ждали Лоран и Марго, она поймала себя на мысли: «А ведь он умеет быть человечным».

Благотворительный бал прошёл невероятно успешно: молоток аукциониста опускался раз за разом, собирая внушительную сумму — почти три миллиона евро — для детей с онкологическими заболеваниями. Клэр стала главным предметом восхищения. Знаменитые гости наперебой поздравляли Монтревеля, интересуясь, где он отыскал «столь прекрасный алмаз». Женщины провожали её завистливыми взглядами, измеряя стоимость её колье и глубину декольте, мужчины — откровенно-восхищёнными, которые скользили по её фигуре дольше, чем позволял этикет.

От выпитого шампанского, этого водоворота лиц, имён, фальшивых улыбок и настоящих интриг Клэр почувствовала смертельную усталость — такую, когда всё тело становится ватным, а мысли — тягучими, как мёд. Но она стиснула зубы, понимая: финальный аккорд ещё не прозвучал.

И тогда, когда оркестр заиграл вальс — ту самую мелодию из «Метрополиса», которую крутили по радио — Адриен, к её изумлению, склонился перед ней в изящном, почти театральном поклоне.

— Я не уверена, что помню все па, — смущённо прошептала она, чувствуя, как кровь приливает к щекам, к шее, к самой кромке декольте. — В моей школе танцев учили только двигаться в такт, не наступая на ноги партнёру.

— Доверьтесь мне, — ответил он, и его рука уже легла на её талию — твёрдо, уверенно, не спрашивая разрешения. — Я поведу.

И он повёл. Его движения оказались поразительно грациозными — полными скрытой, хищной мощи и абсолютного, математического контроля. Он был рождён, чтобы танцевать. Или чтобы управлять. Или чтобы вести за собой в бой. Клэр забыла о зрителях, о Габриэле Дельмасе, который наблюдал из тени с бокалом портвейна, о притворстве и опасной игре. Она просто парила в такт музыке, чувствуя твёрдую опору руки мужа на своей спине и его пристальный взгляд, от которого щёки горели огнём.

Впервые за всё время их странного, договорного брака Клэр не ощущала ни напряжения, ни неприязни, ни желания поскорее сбежать в свою комнату. Вместо этого она ощущала нечто новое — хрупкую, пугающе сладкую связь, протянувшуюся между их ладонями. И когда он, выполняя очередное вращение, мягко, но властно притянул её ближе — так, что она почувствовала тепло его тела даже сквозь плотную ткань смокинга, — на её губах расцвела искренняя, счастливая улыбка. Первая за этот долгий, изнурительный вечер.

Марго, наблюдая за ними со стороны с бокалом шампанского, позже нашла момент, чтобы прошептать подружке на ухо, когда они вдвоём вышли в дамскую комнату:

— Клэр, он он потрясающий. — В голосе Марго звучало не просто восхищение, а тревога. — Вы вместе выглядите так, словно созданы друг для друга. Поверь мне, я вижу это со стороны. Слишком хорошо.

По дороге домой, в уютной, замороженной тишине салона лимузина, где пахло кожей и дорогим коньяком, Клэр, всё ещё находясь под властью вальса, осмелилась задать вопрос, терзавший её с самого начала.

— Адриен — она помедлила, подбирая слова, — вы так прекрасно танцевали. Откуда? Если не секрет.

Он слегка улыбнулся — той своей редкой улыбкой, которая не трогала шрам на виске, но как-то странно смягчала его лицо.

— Спасибо. Я когда-то увлекался бальными танцами. Правда, это было в юности, в лицее.

Она снова взглянула на его лицо — на шрам, рассекающий левую бровь и тянувшийся к виску, на неровную линию губ, из-за которой улыбка всегда казалась кривоватой, почти насмешливой. И решила.

— Откуда у вас этот шрам?

Он не ответил сразу. За окном мелькали неоновые огни — синие, красные, зелёные — они отражались на его лице, превращая его то в маску клоуна, то в статую командора.

— Афганистан, — наконец тихо проронил он. Голос был ровным, почти безжизненным. — Французский контингент, две тысячи десятый год. Наше подразделение попало в засаду в ущелье Панджшер. Зацепило осколком гранаты. Сначала шрам был безобразным — лицо напоминало лоскутное одеяло, мне буквально зашивали кожу, как порванную обивку. Потом, спустя целый ряд дорогостоящих пластических операций — он усмехнулся, и в этой усмешке не было ни капли веселья, — мне удалось восстановить его. А моя улыбка — он коснулся пальцем уголка губ, — результат контузии. Повреждён лицевой нерв. Ничего не поделать.

Он произнёс это ровно, без тени самосожаления или бравады. Просто как неоспоримый факт своей биографии — как дату рождения или цвет глаз. Но за этими скупыми словами для Клэр разверзлась бездна: мир боли, нестигаемой воли и мужества, о которых она не могла и догадываться. Она смотрела на его профиль — прямой нос, жёсткая линия подбородка, этот шрам, который теперь казался не уродством, а наградой — и прежнее раздражение от его холодности, от его стальной, непроницаемой вежливости растворилось без следа. Уступая место глубокому, пронзительному уважению.

— Мне жаль, — выдавила она.

— Не надо. — Он повернулся к ней и пристально посмотрел в глаза. Лёгкая, едва заметная усмешка тронула уголок рта. — Жалость — плохой советчик. К тому же, Клэр, я давно научился превращать свои недостатки в достоинства. Этот шрам, например, — он усмехнулся уже открыто, — отлично работает на публику. Ни один партнёр по переговорам не знает, пуля это или осколок, и предпочитает лишний раз не рисковать.

В эту ночь, вернувшись в особняк на набережной Бранли, Адриен не сразу скрылся в своих апартаментах. Они ещё немного постояли у огромного панорамного окна — Клэр в бальном платье, он без пиджака, с расстёгнутым воротом рубашки, — молча глядя на уснувший в бисерных огнях город. Сена внизу казалась чёрной лентой, Эйфелева башня мерцала золотыми искрами, как новогодняя ёлка.

И та ледяная стена, что разделяла их — из контракта, из недоверия, из чужих обид, — дала заметную трещину. Сквозь неё пробился лучик тепла. Клэр не знала, хорошо это или плохо. Но знала одно: спать сегодня она будет с улыбкой.

Прошло почти полтора месяца с того дня, когда Клэр Деверо, журналистка без гроша за душой, но с острым пером и ещё более острым языком, стала мадам де Монтревель. Время, проведённое в золотой клетке в особняке де Монтревеля, где за завтраком подавали не только кофе и круассаны, но и чёрную икру, научило её многому — скрывать истинные чувства за маской светской улыбки, носить роскошные наряды как вторую кожу (она больше не спотыкалась на каблуках и не поправляла каждые пять минут бретельку платья) и, самое главное, читать едва уловимые оттенки в поведении мужа.

Их странное сосуществование медленно, но верно эволюционировало. После того бала, где они впервые предстали как гармоничная пара, последовала череда мероприятий, распланированных в календаре Адриена с военной точностью. Они посетили ежегодный ужин Французско-Американской Торговой Палаты в отеле «Крийон», где Клэр, к своему удивлению, блестяще поддержала разговор с министром экономики о перспективах ветроэнергетики в Нормандии (статья, которую она писала два года назад для делового приложения, вдруг оказалась бесценной). Была премьера оперы «Кармен» в зале Плейель, после которой они с Адриеном, забыв о необходимости поддерживать образ, всю дорогу домой горячо спорили о трактовке образа главной героини — он считал её жертвой обстоятельств, она — архитектором собственной гибели. А на благотворительном аукционе Fondation Louis Vuitton в поддержку современного искусства Адриен неожиданно купил и преподнёс ей абстрактную картину моло-

дой парижской художницы, заметив: «В ней есть ваш характер — линии резкие, но палитра полна скрытого тепла».

Эти жесты, эти редкие моменты, когда его ледяная броня давала трещину — и он становился не «графом Монтревелем», а просто мужчиной с усталыми глазами и шрамом на лице, — заставляли сердце Клэр биться чаще. Она ловила на себе его взгляд через стол во время званого ужина — задумчивый, изучающий, лишённый прежней высокомерной насмешки. Он начал советоваться с ней не только о её статьях (которые, к слову, он читал первым, даже раньше редактора, и всегда делал одно-два дельных замечания), но и о пресс-релизах для своей компании, и её мнение, высказанное однажды вечером за чашкой чая «Эрл Грей» с бергамотом, на следующий день могло отразиться в официальном документе.

Они не спали в одной постели. И не целовались. Но между ними появилось то, чего Клэр не умела назвать — доверие? привычка? нечто большее, чем просто контракт? — и это пугало её сильнее, чем любой враг.

Однажды поздним вечером Адриен засиделся в своём кабинете в офисе компании. . Ему требовалось найти старый фамильный документ — подтверждение прав на аренду одного земельного участка в Бордо, которое хранилось в архиве его матери. Он редко копался в этих бумагах, свято храня завет Анн-Мари: не жить прошлым, не ворошить то, что было до.

В тяжёлой папке с тиснёной гербовой печатью, под аккуратно подшитыми хозяйственными договорами и письмами адвокатов, его пальцы наткнулись на нечто иное — тонкий кожаный кошелек, прошитый по краям вручную и потускневший от времени до цвета старой бронзы. Внутри не было денег — лишь несколько пожелтевших фотографий и сложенный вчетверо листок веленовой бумаги, ломкий, как сухой лист.

На первой фотографии его мать, Анн-Мари совсем молодая, смеялась с беззаботностью, которую Адриен никогда у неё не видел. Ветер развеивал её светлые волосы, а глаза сияли тем особым, небесным светом, какой бывает только у женщин, которые любят и любимы. Рядом с ней, вполоборота, стоял высокий, статный мужчина в сутане католического священника. Его лицо было частично скрыто в тени широкополой шляпы, но поза — лёгкий наклон к ней, рука, замершая в воздухе у её локтя, — выражала доверительную, почти интимную близость. На обороте чётким, не материнским, мужским почерком было выведено: «Бордо, 1986. А. Ф.».

Вторая фотография была официальной — его мать на ступенях церкви Сен-Сюльпис с человеком, которого он знал как своего отца. Их позы были отстранёнными, почти чужими, взгляды направлены в объектив, но не друг на друга. Между ними можно было мысленно провести невидимую, но непреодолимую стену — выше любой церковной ограды.

Последней была расписка, выцветшая от времени, о крупном пожертвовании на «восстановление исторической справедливости и поддержку семьи де Монтревель в трудный час», подписанная теми же инициалами — «А. Ф.». Дата 1986 год.

Он откинулся на спинку дорогого кожаного кресла — чувствуя, как в висках застучало. Гулко, больно, в такт с маятником напольных часов в углу. Он всегда ощущал холодную, ледяную пропасть между собой и человеком, которого считал своим отцом. Тот мужчина редко бывал дома, а когда появлялся — с запахом дешёвого виски и чужих духов, — смотрел на сына с таким безразличием, будто тот был чужим, досадным, навязанным обязательством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.